

Ника Смирнов

САМОПРЕВРАЩЕНИЕ
ОСХОЖДЕНИЕ

16+

Ника Смирнов
Самопревосхождение

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смирнов Н.

Самопревосхождение / Н. Смирнов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Самопревосхождение — это открытие в себе безграничных возможностей и способностей к развитию и саморазвитию сознания, качественно иных способов постижения смыслов бытия, отличающих наступление новой спирали эволюции. И не только... Читателю, хотя бы на время, предлагается оставить постылую деградацию вечно не разрешаемых противоречий «плохого с худшим» и войти в миры, где властвуют законы чистой и светлой души, устремлённой к любви, где живёт «прекрасный люд» в единстве и гармонии с миром и «кровь всеобщая течёт по жилам всей вселенной».

Содержание

От автора	5
У. Шекспир	7
Конец ознакомительного фрагмента.	69

От автора

Лю д я м, н е п е р е с т а ю щ и м м е ч т а т ь, н а д е я т ь с я

и л ю б и т ь – П О С В Я Щ А Е Т С Я

Предоставляемое читателям произведение состоит из двух книг: «Перемена участи» и «Поощрение к любви», повествующих в форме философско-художественной притчи, с неослабевающей и светлеющей надеждой, в меру сил, разумеется, и вопреки расхожим мнениям, о почти безграничных возможностях и способностях человека к развитию и саморазвитию сознания.

Раскрытие темы «жизненного избытка», дарованного человеку от рождения, позволяет каждому желающему увидеть оптимистически окрашенные выходы за пределы изначально заданного круга самоотождествления. Ненавязчиво, но неуклонно пути эти ведут – через самопреобразование и самопревосхождение, как бы в ходе соревнования с самим собой, – к неизбежно вызревающей потребности собирания себя из хаоса Бытия, обретению истинной целостности существования, а, следовательно, и исполнению счастливого сокращения расстояния между человеком и человеком совершенным. Иначе говоря, это пути от homo sapiens, «человека разумного», – к homo consciens, «человеку сознающему», обладающему интуицией и Высшим Разумом, умеющему найти своё место в Космической эволюции и познать сущность её «энергии как универсальной силы».

Хочется особо отметить, что герои обеих книг – прекрасные люди «облагороженного образа», beautiful people – действительно живут рядом с нами, здесь и сейчас, по тем самым непреложным законам Вселенной, о которых постоянно, на разные лады говорится в тексте. Они органично и естественно ощущают себя неотъемлемой частью Мира и Макрокосмоса, совершающего свой вечный круговорот творения и сотворения жизни. Эти и подобные им представители рода человеческого обычно не нарушают никаких, даже чуждых им порядков, но лишь фактом своего существования изменяют пропорции, вносят равновесие в коллективное сознание новой картины мира, разделяя с единомышленниками известную и такую, казалось бы, «простую» истину:

«Если ты будешь стремиться изменить мир, то вскоре обязательно поймёшь или заметишь, что это мир побеждает тебя. А если будешь изменять себя, возможно, изменится и мир вокруг тебя». Другими словами: попробуй спасти себя сам и тогда, может быть, случится так, что вокруг спасутся тысячи, а тебе повезёт, и ты всё это даже сможешь увидеть или почувствовать.

И ещё: эти люди умеют создавать миры, в которых властвуют Великие Законы Чистой и Светлой Души, устремлённой к Любви, куда хочется войти и там остаться. Ведь именно там хранится истинное Знание, об одном из законов которого хочется напомнить уже здесь, в предисловии. На вечном поле брани между Добром и Злом победа Добра достигается не только в прямом столкновении и борьбе со Злом, на его территории, куда обычно легко заманивается неразумный человек, но и на пути осознанного, добровольного созидания Добра и Красоты в потоке бесконечно текущей и такой прекрасной, несмотря ни на что, Жизни.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПЕРЕМЕНА УЧАСТИ.

Пролог

Есть многое на свете, друг Горацио, что объяснить способны лишь немногие...

У. Шекспир

Не без удивления перед самим собой, перед тем, что я когда-нибудь что-либо захочу написать, и не только не без удивления, но и не без волнения, – справлюсь ли с поставленной задачей, – приступаю я к рассказу о событиях, которые, как бы это ни звучало, кардинально изменили мою жизнь. Я сознательно намереваюсь, по возможности ясно и правдиво, воспроизвести свои мысли и ощущения, а если получится, то и общие идеи, которые, собственно, и привели к появлению этих записок.

Следует сразу отметить, что пишу я их тогда, когда все главные события, так поразившие моё воображение, уже произошли, и если они имеют какое-либо значение, то с уверенностью об этом я могу сказать лишь в отношении самого себя. Других читателей может и не быть. О том же, что составление подобного рода дневниковых записей является давно известным фактом и одновременно методом самоанализа, а следовательно имеет ценность само по себе, мне стало известно гораздо позже.

Разумеется, я отдаю себе отчёт в том, что представлять гипотетического читателя или собеседника во время любого высказывания, устного или письменного, совершенно естественно, удобно и даже не предосудительно, и я собираюсь воспользоваться такой возможностью в дальнейшем.

И ещё одно замечание. Обычно в начале часто пишут, как мне припоминается, что все события и люди, выведенные в предлагаемом произведении, плод фантазии автора, их никогда и нигде не было и быть не может, а все совпадения случайны. В моём случае всё «ровно наоборот»: все события, люди, звери, картины, дома не только были, но, надеюсь, большинство из них всё ещё есть на белом свете. Более того, весьма возможно, их было значительно больше, они были намного более значительны и глубоки, нежели мне удалось заметить и описать.

И, наконец, P. S. Я не писатель. У меня нет писательского опыта и, очевидно, не будет, так как я собираюсь изложить только один раз и только одну человеческую историю – свою собственную, связанную, как мне теперь представляется, с самым главным и самым интересным явлением в мире – развитием и изменением сознания. Уже здесь, я думаю, те, кто полагает иначе или просто не желает размышлять на эту тему, могут отложить чтение записок (если они каким-то образом попались им на глаза) навсегда и никогда к ним больше не возвращаться (хотя и говорят сейчас часто: «Никогда не говори “никогда”»).

В обыденном языке слово «сознание» в большинстве случаев используется как синоним понятий «интеллект», «умственная деятельность». Вспоминая «хорошие книги», которые я всё-таки читал, и не только в детстве, я связываю сознание с особым рода способностью человека отвечать на главные вопросы жизни: Кто я? Для чего человек явлен в мир? В чём смысл его существования? и т. п. Вспоминаю и различные толкования авторов – остроумные и не очень, иногда научные, чаще – с позиций догмы – о безграничных, в большинстве случаев, неиспользованных возможностях человека, о его ответственности за создание собственного образа и образа собственной жизни, которую, «ведая и не ведая», творим мы сами. Например: «Никто не может сделать тебя несчастным, никто не может сделать тебя счастливым, только ты сам».

Хорошо сказано... Но как этого достигнуть на практике? Здесь мои воспоминания становятся гораздо более туманны, а опыт подсказывает, что дело это настолько неординарное и неоднозначное, что результатом, убедительным позитивным результатом, подтверждённым реальной жизнью и биографией реального человека, могут гордиться немногие. А возможности передать это умение другим? Здесь я просто теряюсь, не знаю, что и сказать... Если даже такие очевидные, казалось бы, заповеди, как: не убивай, не кради, не клевети и не завидуй, чти отца и мать, тем более возлюби ближнего своего, как самого себя, – до сих пор не являются массово-воплощёнными, оставаясь для большинства недостижимым образцом поведения, следовать которому по-прежнему столь нелегко, то кто ещё и как может справиться с подобной задачей?

Мне, как и многим из известных мне людей, хотя и по неизвестным причинам, гораздо легче понять и принять на веру отрицательные суждения о себе и себе подобных. Приведу пример. Наше невежество относительно самих себя, наше ложное убеждение, будто мы сами себя (а значит, и других) знаем и можем быть уверены в себе, тогда как в действительности мы себя вовсе не знаем, не знаем своих пределов и возможностей, не знаем даже всей глубины своего незнания, находясь в плену величайших иллюзий в этом отношении, – эти заблуждения безграничны. Кто из современников, не подражая, не повторяя бездумно усвоенных, просто заученных афоризмов, мог бы искренне, с верой сказать: «Я знаю, что ничего не знаю»? Я могу вспомнить лишь немногих избранных, одного гениального физика, одного мудреца, в то время как большинство людей вообще не задаётся этими вопросами, которые как бы в насмешку называются «вечными», будь они трижды сверхглавными по мнению кого бы то ни было, в т. ч. и Альберта Эйнштейна, и Сократа. Если же человек не хочет или хочет недостаточно сильно чего-либо, то он и не будет предпринимать необходимых усилий в данном направлении, не так ли? И здесь нет никакой несправедливости. Зачем человеку то, чего он не хочет? Было бы несправедливым как раз обратное действие: принуждать его делать то, чего он не желает, стремиться быть неведомо кем, отказываться от своих убеждений, которые по мнению некоторого количества людей почему-то считаются заблуждениями, обретать какие-то непонятные качества и способности, т. е. становится более сознательным в нашем понимании этого слова, тогда как он вполне доволен собой, таким, какой он есть «здесь и сейчас», или не считает это дело для себя достаточно важным, или вообще предпочитает другие пути обретения себя в этом мире.

Очевидно, в этом месте следует успокоить и страждущее меньшинство. Таких людей, которые отвечают на запрос Природы, понимаемой в самом широком значении этого слова как Космическая Вселенная, – запрос, состоящий в том, что она нуждается в человеке, который знает, хочет и может стремиться к самосовершенствованию, целостности и гармонии мира и себя в этом мире, который задумывается об Истине, Добре и Красоте, познании нового и неведомого, кто имеет намерение выйти за пределы достигнутого и умеет, к тому же, «попасть в собственное намерение», научиться жить «в процессе перемен», – таких людей всегда было мало, и, тем не менее, именно они определяли развитие человека и человечества, именно их называли «солью Земли» и её достоянием. «Уберите из истории 10-12 человек, – повторяли те, кого мы называем мудрыми на протяжении столетий, – и мир будет другим». Так что идти, вероятно, следует всё же за ними, а не за теми, кто носит в себе массу ложных идей, приписывает себе несуществующие черты, качества, способности, внушённые чьим-либо авторитетом или манипулятивными технологиями, приобретённые путём имитации, подражания, автоматического копирования, стереотипов, рекламы, моды и т. д.

Здесь, мне кажется, уместно вспомнить несколько слов Фёдора Михайловича Достоевского об особой силе и влиянии немногих носителей «высшей культурной мысли в России», связанной с Золотым веком человечества, «самой невероятной его мечтой» и «высоким заблуждением», за которые, тем не менее, люди отдавали свою жизнь и свои силы и без которой они «не хотят жить и не могут даже умереть»: «Нас таких в России, может быть, около тысячи человек; действительно, может быть, не больше, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее». Так что, если прав наш великий соотечественник, а он обычно бывает прав, то всё не так уж и печально.

Однако ещё раз о главной теме. На протяжении всего периода, который я описываю и который сейчас называю «переменной участи», я постепенно и с каждым днём всё сильнее убеждался на собственном опыте в справедливости той самой истины, что вела меня к поиску: человек такой, какой он нам известен, не является завершённым существом. Будучи рождённым, он лишь предназначен для дальнейшего развития своего сознания и самосознания, определённых внутренних качеств и черт, большинство из которых не в состоянии развиться сами по себе. Но главное, он предназначен открыть в себе Великую Сущность, которую с давних пор люди связывают с развитием Духа, Души и Тела в их единстве и целостности и которую чаще всего называют Божественной.

В настоящее время я не в состоянии предвидеть, насколько глубоко и вообще смогу ли проникнуться этой идеей, как «моё слово отзовется» хотя бы во мне самом, но я хочу попытаться, ибо это и есть главная причина, почему я взялся за свои записки. Если же ничего толкового не получится, то, по крайней мере, я последовательно, шаг за шагом опишу отрицательные результаты эксперимента. Согласитесь, мой гипотетический читатель, отрицательный результат – тоже результат.

Сейчас же мне хотелось бы, в завершение Пролога, обозначить несколько тезисов, на которые я буду опираться в дальнейших размышлениях, даже если они и покажутся кому-то просто постулатами.

ИТАК:

*До тех пор, пока человек сохраняет и лелеет в себе всевозможные обманчивые иллюзии и самообольщения, и в первую очередь те, что связаны с сознанием и самосознанием, его, к сожалению, ждёт в основном разочарования и поражения в жизни...

*Можно изменить положение, изучая самого себя искренне, честно, без лжи и лжно понятого самолюбия, гордыни, – причём делается это только с помощью самого же себя...

*Познаваемое таким образом собственное сознание имеет разные степени, уровни, ступени, уходящие в такую даль, что это вполне можно назвать бесконечностью...

*Приятно отметить: награда идущему по пути самоосознавания всегда больше, значительнее усилий, которые он затрачивает. Однако узнать это может лишь тот, кто не прекращает двигаться ни в коем случае, ждёт ли его успех или неудача, кто не останавливается по дороге и, тем более, не идёт назад...

Может быть, ещё рано и поэтому неубедительно прозвучит сейчас мысль о широко распространённых ныне системах взглядов, имеющих внешне привлекательную и доступную упа-

ковку, рассчитанную как раз на быстрый, лёгкий, массовый успех, предоставляющий возможность любому – уже через пару сеансов или после прочтения нескольких страниц текста – почувствовать себя приобщённым к «высшим материям» и смотреть свысока на остальных, «непосвящённых». Всё гораздо интереснее: и проще, и сложнее одновременно. Однако здесь я забегаю слишком далеко вперёд – всему своё время. А сейчас важно лишь, на мой взгляд, обозначить ещё один, последний, тезис.

*Самое интересное начинается именно за пределами так называемого обыденного сознания, приемлющего лишь официально признанный патент «здорового смысла», состоящий, как правило, из 1-2 точек зрения, причём избирается обычно лишь одна из них и яростно отрицается другая. О какой толерантности или демократизме, многополярности, мультикультурности и пр. может идти речь, если существует лишь одна точка зрения – из одной, или одна же из двух (3-х и т. д.), а все другие и их носители должны быть отринуты или даже уничтожены, хотя бы морально-психологически, невзирая на постоянно провозглашаемую свободу слова и мнений? И дело вовсе не в том, что существуют некие запреты или репрессии, эти «занавеси» давно рухнули. Дело во внутреннем состоянии и развитии Души, Духа и Разума Человека, его особенных свойств и качеств личности. Так что, получается, хотим мы или нет, понимаем или не очень, необходимость развития сознания не есть абстрактная категория, она имеет прямое отношение к неотвратимо надвигающемуся, в чём-то уже происходящему, неминуемому преобразованию данного типа цивилизации или возникновению иной в недрах уже существующей. Но! Именно это как раз и следует ещё доказать.

Часть первая. От Ники Смирнова

Так век за веком – скоро ли, Господь?

Под скальпелем Природы и Искусства Кричит наш Дух, изнемогает плоть, Рождая орган для шестого чувства. Н. Гумилёв

Итак, в декабре 20... г. мне должно было исполниться 32 года, и в это время как-то всё сразу обрушилось в моей жизни: фирма, в которой я служил и занимался программным обеспечением некоего производства, обанкротилась, с женой мы решили развестись, нашего пятилетнего сына отправили на неизвестный срок к родственникам жены на Урал, я не знал, где буду теперь жить, в довершение ко всему сломалась машина, – и я оказался на старой родительской даче под Петербургом один, не считая собаки-колли по имени Диана.

Наш дом я, конечно, не узнал, так как не был в нём, наверное, с дошкольного возраста, но, как ни странно, он мне понравился.

Добротный деревянный сруб со всеми необходимыми удобствами, с большой печкой, очевидно, легко обогревающей оба этажа, круговой летней верандой и великолепным участком, обрамлённым живой изгородью из густорастущего шиповника. На участке свободно росли сосны, ели, берёзы, несколько рябин и то ли яблонь, то ли вишен. Посреди поляны, сейчас покрытой снегом, стояла открытая беседка, вокруг неё угадывались очертания нескольких цветников.

Внутри просторного дома – удобная мебель, красиво подобранные тяжёлые гардины с кистями и лёгкие занавески; на стенах – многочисленные светильники и, конечно, повсюду любимые мамой букеты, в это время года, естественно, в виде осенне-зимних композиций. В

доме было чисто прибрано, даже не очень холодно, и я понял, что мама специально приехала сюда накануне. Собственно, она и подвигла меня на это загородное уединение, когда я пришёл к ней со своими проблемами.

– Поезжай. Это так необычно – дача зимой, когда там никого нет и быть не может.

Мама говорила, как всегда, спокойно, ненавязчиво, чуть иронично.

– Займись спортом, самообразованием или... – она пристально посмотрела на меня и улыбнулась, – повышением своей общей культуры. Согласись, у тебя с этой дамой вовсе не безоблачные отношения. Кстати, в доме полно современной техники, кроме, конечно, хорошей библиотеки и хорошей музыки.

И действительно, войдя в дом, я сразу заметил внушительных размеров электрокамин, очевидно, для ленивых и нежелающих топить печь, вполне приличный ноутбук и Smart-TV. На кухне было ещё больше разных приспособлений для комфортной жизни, но я решил рассмотреть их позднее. «Так можно и всю зиму здесь прожить», – почему-то подумал я и, как оказалось, не ошибся.

То, что я помню о первых днях в декабре, – это ощущение одиночества, покинутости и непростительной жалости к себе. Я ощущал попеременно то тянущую тоску, то безразличие ко всему на свете. Когда же постоянно возникающая в голове фраза – «Никто меня не понимает» – переросла в голос женского сопрано, поющий почему-то с иностранным акцентом «до боли знакомую» арию Татьяны из «Евгения Онегина», я, наконец, мрачно рассмеялся и решил, что так дело не пойдёт, однако ближе подойти к любимым нашим народам вопросам: «Кто виноват?» и «Что делать?» – пока ещё не получалось. Поэтому я просто вышел во двор, позвал Диану, как всегда, грациозно поспешившую ко мне, открыл хозяйственный домик, достал лопату и стал разгребать снег. Это помогло, и вечер с Дианой прошёл весьма пристойно. «Завтра же начинаю ходить на лыжах и совершенствовать свой несовершенный английский», – засыпая, твёрдо решил я. Несколько дней потом мой прекрасный план, хотя и не полностью, но осуществлялся, однако хандра и чувство тяжёлой подавленности не исчезали.

Накануне Рождества, когда я уже почти привык жить скучающим затворником, нехотя справляющимся в одиночку с нехитрым загородным хозяйством, мне позвонила мама и напомнила, что было бы неплохо, если бы я всё-таки навестил одну пожилую даму, которая живёт сейчас в посёлке недалеко от меня, тем более, что я её знаю с детства, т. к. она нередко забирала меня из садика вместе со своей внучкой, которую звали Анна-Мария и которую я постоянно дёргал за косички и бантики, но никак не мог довести до слёз, что очень меня раздражало...

Я попытался остановить этот раздражающий меня и сейчас поток бессмысленных слов и нежелательных поручений:

– Ты шутишь!

– Нет. Мы с тобой договаривались, и ты дал слово.

– А разве внучку сейчас зовут иначе? – Я ещё надеялся увести разговор в другое русло, но мать была непреклонна:

– А сейчас неуместно шутишь ты.

– Да я особенно и не шутил, – начал было я, но неожиданно холодный её тон насторожил меня, и вдруг я вспомнил, что дочь этой самой пожилой дамы была подругой моей матери, она погибла лет десять назад в авиакатастрофе, и, значит, та самая Анна-Мария нередко останавливалась у нас в нашей городской квартире во время перерывов между своими бесконечными командировками куда-то на край света... Правда, тогда мы почему-то звали её просто Асей.

Я обречённо вздохнул, и мама быстро закончила разговор:

– Адрес у тебя в записной книжке.

Так я оказался на Рождество в доме на соседней улице с двумя коробками конфет, чтобы не выглядеть уж очень консервативным, даже не предчувствуя, какого рода события ждут меня впереди.

Меня встретила высокая, стройная, хорошо одетая женщина с ясными синими глазами, густыми, с заметной проседью волосами, уложенными в красивую причёску.

– Могу я видеть Софью Алексеевну?

Она слегка наклонила голову и улыбнулась:

– Здравствуйте, Ни-ка... Проходите, пожалуйста.

И, может быть, оттого, что мне так понравился этот низкий, негромкий голос, и вся её стать, и то, как она внимательно, с лёгкой улыбкой смотрела на меня, и как медленно произнесла это домашнее имя «Ника», или оттого, что на меня пахло уютным теплом хорошо протопленного дома, не знаю; а может быть, я просто увидел и вспомнил с детства знакомую обстановку из старинной мебели, ковров, картин, фотографий, книг и сразу почувствовал себя легко и свободно, так, как если бы меня здесь давно и хорошо знали и очень ждали. А меня, действительно, и знали, и ждали. Большой овальный дубовый стол был празднично накрыт, свечи в канделябрах горели, за спиной у С. А. стояли по-новогоднему украшенные ёлочные ветви с шишками и где-то в дальних комнатах тихо и нежно прозвучал мне навстречу перезвон старинных часов.

Я, конечно, плохо помню, о чём мы тогда говорили, помню лишь, как глупо обрадовался, что темы Вифлеемского чуда, похоже, не будет, ибо, очевидно, хозяйка догадалась, что я не сумею её достойно поддержать. Зато отчётливо помню, как быстро мы перешли к моим проблемам, и я, вопреки сознательно выбранному затворничеству и твёрдо усвоенным стереотипам мужского сдержанно-немногословного поведения, стал почему-то охотно и подробно рассказывать о себе, о своих разочарованиях, тягостном разводе и неизвестном мрачном будущем, о дурных и равнодушных людях вообще и несправедливости мира в частности. Потом мне, конечно, было стыдно, но тогда я чуть ли не с восторгом ощущал, что меня наконец-то понимают как никогда прежде, что я впервые могу быть полностью открыт, и как прекрасно, что это возможно, а я уж и не надеялся, и т. д. и т. п.

Софья Алексеевна, напротив, вовсе не выглядела удивлённой или смущённой таким потоком откровений. Она спокойно и внимательно слушала, иногда вставляла вполне умест-

ные, как мне казалось, реплики и уж тем более не перебивала меня, пока, наконец, я сам не замолчал. Словом, чистый «эффект гейши», как я его тогда сформулировал, был налицо. Однако дальше всё пошло по совершенно другому сценарию. «Гейша» исчезла, а может быть, её и не было вовсе. С. А. немного помолчала, а потом заговорила так, как будто мы уже содержательно и долго беседуем, и я прекрасно понимаю и принимаю тот уровень размышлений, который мне предлагается, без всяких скидок и «поддавков», без этих модных техник «присоединения» к собеседнику, заканчивающихся, как правило, скрытым или явным навязыванием своего мнения. Не ручаюсь, что я точно расслышал, но, кажется, она вначале тихо произнесла, как бы про себя: «То, о чём человек думает, у того он и в плену».

Тогда, почти год назад, я не только не стремился запомнить что-либо из наших бесед, но даже не предполагал, что мы будем и дальше встречаться, что кроме этого «визита вежливости» будут ещё какие-то встречи, поэтому восстановить сейчас в должной последовательности строй мыслей, ассоциаций, образов, щедро развёртываемых С. А. передо мной, её единственным и, в общем-то, случайным слушателем, я, к сожалению, не смогу. В моей памяти запечатлелись только отдельные фразы, реплики, обрывки разговоров и, повторяю, к большому моему сожалению, лишь некоторые мысли.

– Знаете, Ника, – уже отчётливо произнесла С. А., – я думаю, вам нужно радоваться чувству неудовлетворённости, разочарования, если угодно, которые появились у вас сейчас вследствие определённых событий или даже их случайного нагромождения. Хотя, конечно, ничего случайного не бывает, – как бы мимоходом заметила она и продолжала:

– Если ваше глубинное «Я» ныне недовольно собой или другими, то ведь оно, т. е. «вы сами», можете и начать внутреннюю работу, скажем, по изменению в себе каких-то качеств, например. Не так ли?

– Но это внутреннее «Я» может так ничего и не начать, – буркнул я.

– Разумеется, – кивнула С. А., как бы закрывая слишком очевидную тему и развивая дальше свою мысль:

– Судьба всегда даёт шанс и силы, – заметьте, необходимые силы! – проявиться новой возможности. Но есть и ваша правда – её великодушие не безгранично. – Она с чуть ироничной улыбкой взглянула на меня.

– Вот ответьте мне, пожалуйста, только честно, какие вопросы чаще всего возникают у вас последнее время в голове?

Я молча пожал плечами.

– Правильно, – как ни в чём не бывало продолжала она. – «Почему всё это случилось со мной?» «За что мне такое испытание?» «Как они (она) могли так поступить?» Я усмехнулся:

– Угадали...

– А если взглянуть иначе и спросить себя: вдруг я сам притянул к себе эти события? Что я сделал такого, что позволило всему этому случиться? – тогда ведь и размышление пойдёт по другому руслу, и выходы из ситуаций будут открываться совсем иные, не правда ли?

– Нет! Неправда!

Я вскочил с кресла и стал быстро ходить по комнате. Мне очень хотелось спорить, протестовать, опровергать:

– Что значит «сам притянул»? Неужели вы всерьёз думаете, что я сам развалил фирму, заставил жену глупо, бессмысленно меня обманывать несколько лет подряд... Да я бы тут же дал ей развод, как только... Ах! – я безнадежно махнул рукой. – Вы не понимаете... А Ваня? Кто его довёл до того, что он в свои неполные пять лет сказал бабушке, его обожающей: «А я не знаю, захочу ли дальше жить»?

С. А. несколько не смутилась от такой тирады и просто сказала:

– Да. Есть такой закон: «Всё справедливо. Мы имеем то, что заслуживаем, и то, чего на самом деле хотим», если, разумеется, у нас есть мужество признать правду и не лгать хотя бы самим себе.

– Вы смеётесь надо мной?!

– Ничуть. Просто закон в таком виде мало кто может принять. Гораздо легче и привычнее пожалеть, оправдать «себя, любимого», а других обвинить во всех смертных грехах. Мы просто гениальны в искусстве самооправдания, – заметил ещё Фрейд, и это то небольшое, что постоянно подтверждается, а не оспаривается.

– Бред какой-то! Какой закон? Разве есть кто-то, кто его открыл, доказал, провёл эксперименты, наконец? Да этого вообще не может быть хотя бы уже потому, что нет единого мнения о самом понятии справедливости. Для одних народов и языков – это одно, для других – совсем другое. Разные слова, разные переводы. Так было и будет всегда.

Я перестал бегать по комнате и встал прямо перед С. А.

– Если вам не трудно, сядьте, пожалуйста, так неудобно разговаривать.

Я сел. Она внимательно на меня смотрела и мне показалось, решала, стоит ли продолжать разговор или нет.

– Попробую вам ответить, – осторожно начала она. – Если не получится, это тоже будет ответ. Да, есть абсолютно неопровержимые доказательства и результаты совершенно невозможного эксперимента, длящегося всю историю нашей цивилизации.

Я фыркнул:

– А есть ещё и другие, кроме нашей?

– Такие гипотезы существуют. Так вот, – невозмутимо продолжала она, – люди, жившие на Земле, в течение тысячелетий наблюдали (те, кто умел, разумеется, это делать), внимательно, заинтересованно наблюдали и заметили постоянно повторяющуюся закономерность... – Так всё-таки «закон» или «закономерность»?

С. А. рассмеялась:

– Не имеет значения в данном случае.

– Почему «не имеет»?

– ...они заметили, – продолжала С. А., – если угодно, угадали этот закон Вселенной и описали его, даже кое-где высекли в камне: «Всё, что приходит в нашу жизнь, мы притягиваем к себе сами, силой своей мысли, силой своих образов».

– Но как? Каким образом? Нет, этого не может быть...

– Потому что не может быть никогда? Самое любопытное заключается в том, что закон этот всегда был, есть и, думаю, будет. Он абсолютно открыт, можно сказать, просто лежит на поверхности. И хотя многие его замечают, они называют его «тайной», и это – правда, потому что никто не знает, почему он вообще существует, так же как неизвестно, почему и каким образом стали существовать мы сами и всё это богатство вокруг...

Она сделала широкий жест, потом посмотрела в окно и неожиданно для меня замолчала.

– Софья Алексеевна?

– Ах, да, извините. На чём мы остановились? – Она кивнула: – «Тайна» была известна всегда и всем, кто только желал к ней прикоснуться, – и опять замолчала. Я решил сам поддержать разговор:

– «А в действительности всё было совсем не так, как на самом деле»?

Я был доволен собой. Вспомнив «к месту», как мне казалось, шутовское замечание Экзюпери, я решил, что веду беседу «на равных» и выгляжу вполне как здравомыслящий мужчина, снисходительно выслушивающий милые заблуждения пожилой дамы. На самом деле во мне всё бурлило, всё вызвало отторжение, я ничему не хотел верить, ни в коей мере не был убеждён, напротив, хотел убеждать сам, однако чувствовал, меня, что называется, «несёт», и, значит, надо остановиться, но не мог.

– Как же так? – воскликнул я. – Значит, если я больше всего думаю о том, что меня огорчает, этот так называемый «Закон притяжения» принесёт мне ещё больше жутких мыслей, я буду чувствовать себя ещё хуже, события моей жизни станут ещё ужаснее, а я сам – ещё несчастнее? Так?

– Так. Только не в таких страшных выражениях. Лучше отнестись ко всему со здоровой долей юмора, как это делают некоторые современные авторы, называя закон «слепо-глухонемым», т. е. совершенно беспристрастным, ибо он даже не считает нужным различать в наших желаниях – что хорошо, а что плохо, где добро, а где зло. Он просто принимает наши мыслеобразы и возвращает их нам в виде определённых событий и переживаний.

– Кто «он»? Это, что же, живое существо?

– Кто знает, – задумчиво, с усмешкой заметила С. А.

– А если никто не знает, так к чему этот сыр-бор? – начал было я, потом остановился и замолчал. Молчала и С. А., затем своим приятным тихим голосом спросила:

– Хотите чаю?

– Да... Извините, я, кажется, сорвался, накричал на вас зачем-то... С. А. встала, достала несколько книг и подала их мне.

– Вот, – она раскрыла одну из них, – прочтите. Это не Экзюпери Антуан де Сент, просто анекдот. Я не люблю его рассказывать, но вам должен понравиться.

С. А. ушла заваривать чай, а я прочёл следующее:

Американский небоскрёб. Два психоаналитика, работающие на одном, скажем, 36-м этаже, обычно одновременно заканчивают работу и идут к лифту. Лифтёр, выпуская их на первом этаже, замечает, что каждый раз, когда они прощаются, один плюёт на другого и уходит. Тот, другой, стирает грязь с пиджака, выбрасывает бумажный платок и, спокойно улыбаясь, уходит тоже. Приблизительно через месяц лифтёр не выдерживает и спрашивает пострадавшего:

– Сэр! Извините меня! Вот уже месяц я вижу, что между вами и вашим коллегой происходит что-то мне совершенно не понятное. Почему вы никогда не выходите из себя? Почему улыбаетесь? Почему так спокойно уходите? Объясните мне, пожалуйста!

– Всё очень просто. Это ЕГО проблемы, не мои. Понимаете?

Мне стало весело, я с интересом прочёл ещё несколько забавных историй, потом подошёл к стеллажам и начал рыться в книгах. Вернулась С. А. с подносом, на котором стояли заварочный серебряный чайник, несколько вазочек с вареньем, кажется, лепёшки, печенье и ещё что-то. Я предложил ей помочь накрыть стол.

– Вам не нравятся анекдоты? – спросил я, расставляя чайные приборы.

– Отнюдь. Просто мне не нравится некоторые из них пересказывать.

– А мне понравилось. Грубовато, конечно, но для мужчин сойдёт. Знаете, я не ожидал, что эта избитая фраза про «ваши проблемы» вдруг зазвучит так свежо. Мало ли, отчего твой партнёр раздражён или агрессивен? Может быть, у него живот болит?

– Целый месяц? – улыбнулась С. А.

– Ну, пусть неудачный клиент попался, куда-то пожаловался, начались неприятности, а у коллеги пока всё ОК. Пока проблема не становится твоей, ты защищён. Я прав?

– Отчасти. Есть ведь ещё сочувствие, сопереживание... – Но не в этом же случае!

– Не в этом. Вы какое варенье предпочитаете? – Любое, – постарался вежливо ответить я.

Когда мы закончили вполне светское чаепитие, говоря о погоде и пустяках, я показал С. А. на предисловие одной из книг.

– Вы хотели, чтобы я прочитал вот это? «Закон притяжения – самый могущественный закон Вселенной. Поэты – У. Шекспир, В. И. Гёте, У. Блейк говорили об этом в стихах. Музыканты, такие как Людвиг ван Бетховен, передавали это в своей музыке. Художники, например, Леонардо да Винчи, запечатлевали на картинах. Великие мыслители, в т. ч. Сократ, Платон, Пифагор, сэр Фрэнсис Бэкон, сэр Исаак Ньютон, отражали это в своих произведениях, учениях. Древние цивилизации и великие религии сохранили это знание в легендах, преданиях и священных писаниях» и т. д. Но это же несерьёзно, Софья Алексеевна? Это самая настоящая масскультура плюс неплохая реклама «продукта», возможно, даже манипуляция сознанием. Не спорю, очень доходчиво и ясно изложенные. С. А. легко вздохнула.

– Да нет же, это серьёзно. Искусство, наука, религия – разве это пустяки? Да ещё в сочетании и в поддержку друг другу. Тот же Блейк сказал: «Наука циркулей не может познать божественную тайну».

– А Блейк, это когда?

– Он уже умер, в 1825 году.

– Понятно, – отозвался я, – продолжим?

С. А. вопросительно взглянула на меня, но ничего не сказала. Лишь много позже я узнал, что реплика «Понятно» является неким тестом как раз на непонимание, тем более, брошенная так небрежно, мимоходом, как это сделал я.

– Другое дело, – спокойно размышляла далее С. А., – и здесь вы совершенно правы, – почти любая, даже самая великая идея когда-либо может проникнуть в массовое сознание, и тогда она, естественно, приобретает черты той самой масскультуры, о которой вы говорите и не без помощи которой, собственно, и может произойти усвоение идеи – через её неминуемое опрощение и адаптацию к обыденному сознанию.

С. А. заговорила опять как бы про себя, очень тихо:

– Вековые вопросы непрактичны. Но ведь и практичность мало что стоит без вечности, и только обносившиеся идеи очень понятны...

– Да, с позиции вечности повседневность выглядит ужасно. Зато идеи... попроще принимаются очень быстро

– Но так же быстро и исчезают. Кстати, – снова живо заговорила С. А., – вы обратили внимание, в этой маленькой книжке, разошедшейся по миру гигантскими тиражами, – а таких книг, вы уже сами видите хотя бы по приводимым «сведениям об авторах», немало, – обсуждаемую нами идею поддерживают весьма уважаемые люди, и, что немаловажно для массового сознания, очень успешные люди, добившиеся своего успеха в карьере, благосостоянии, личной жизни, как они заверяют, с помощью претворения в жизнь именно этой идеи.

– Конечно, это чрезвычайно соблазнительно! – воскликнул я. – Стоит очень захотеть, придумать соответствующую картинку, хорошо и много раз её представить – получай! Появятся деньги, новая должность, жена-красавица с приданным и что там ещё?

– А вы попробуйте сами, может быть, и получится? – С. А. весело, с интересом смотрела на меня.

– И не подумаю! – запальчиво ответил я.

– Ну, ну! Не зарекайтесь. Как говорят, «от сумы и от тюрьмы»... – А что, есть ещё и тюрьма?

– По-разному. Коротко говоря: если не впадать в зависимость, фатализм и легковерие, то вполне можно в чём-то и осчастливить себя. К сожалению, многие полагают, что свои желания лучше всего перекладывать на плечи других людей, охотно предоставляя им, за определённую мзду, распоряжаться своей жизнью, и тогда, через какое-то время (бывает, и очень скоро), попадают в руки мошенников, авторов «пирамид», создателей разных сект и прочее. Они-то прекрасно знают человеческую натуру, желающую всегда поживиться...

– «... на халяву», – подхватил я.

– И не только... Жизнь, к сожалению, неустанно показывает: если «нечто» завоёвывает место под солнцем и все могут, долго не раздумывая, этим воспользоваться, то, как правило, истинный смысл этого «нечто» постепенно искажается, а то и погибает совсем.

Я заметил, что наш разговор начал задевать меня «за живое», и стал медленнее подбирать слова:

– Но если это – объективный закон, то почему же он, или его смысл, – пропадает, испаряется?

– Потому что космический закон, если он существует, – и объективен, и субъективен одновременно. Такое противоречие существенно для науки, но и труднопреодолимо именно для неё же. А для человека, как и для высшего знания, это совершенно естественно: закон есть, он существует независимо от нашего сознания, и вместе с тем, его надо каждый раз открывать заново и каждый раз самому, причём, желательно, не нарушая «высшего смысла». Помните, я вам приводила замечательные слова замечательного мыслителя моего времени, Мераба Мамардашвили? Нет? Тогда послушайте: «Мысль – это состояние, в которое надо впасть, и всякий раз делать это заново». Не правда ли, хорошо? А ведь и появление мысли уже само по себе чудо...

Меня потянуло назад, к мыслям, которые мне были более понятны. Я снова заглянул в предисловие, стал читать и комментировать одновременно: Достигшие всех мыслимых и немыслимых благ – это учёные, доктора наук в области философии, физики, медицины, преподаватели и просветители, писатели и проповедники, бизнесмены и специалисты по маркетингу, но больше всего, разумеется, консультантов по личностному развитию и – внимание! – достижению выдающихся успехов в любой сфере жизни! Потрясающе! Рынок материальных продуктов просто отдыхает. Неужели это правда? И эти авторы на самом деле стали миллио-

нерами, достигли вершин на карьерной лестнице, удачно женились и вышли замуж, похудели на 30 кг – и всё по этой причине? Ха-ха!

– Во-первых, вы повторяетесь, а во-вторых, вы смеётесь, значит, вы уже не сердитесь. – С. А. кивнула на мой удивлённый взгляд.

– Да, да, человек не может одновременно гневаться и смеяться. Это тоже закон, маленький, но закон, и он тоже работает.

Прощаясь в этот вечер, С. А. сказала, глядя на книги, которые мы вместе отобрали:

– Я вам завидую: несколько дней вы будете в обществе очень интересных людей, – и посоветовала не пользоваться электрокамином, а зажечь настоящий огонь.

– И что будет? – спросил я.

– Увидите сами.

В следующий раз, возвращая часть книг, я уже не был настроен столь агрессивно-скептически, но мне ещё больше хотелось продолжить неоконченный разговор. Я старался как можно более точно сформулировать свою мысль:

– Если человек не признаёт этот «закон притяжения» или просто его не знает, он всегда будет искать причины неурядиц вовне и всегда будет терпеть поражение?

– Как правило, да. Судите сами. Если кто-то чувствует себя несчастным и считает, что в этом виноваты все другие – семья, страна, «времена и нравы», то ведь он обречён, т. к. ни своё происхождение, ни эпоху он «переиграть», изменить, т. е. выбрать другие, по крайней мере, в наших условиях жизни, – не может.

– Он может уехать из страны.

– Да хоть к монахам в Тибет! Если со своими теми же самыми нерешёнными проблемами, то и результат будет тот же самый.

– Т. е. от себя не убежишь?

– Конечно. А почему бы не попробовать, хотя бы один раз в жизни, сделать иначе?

– То есть?

– Не менять страну, не отречься от родителей, принять время, в которое ты живёшь, как данность, и просто заглянуть внутрь себя. Ведь ты сам – это как раз то, что можно исследовать, корректировать, изменять, причём по собственному желанию, независимо от кого-либо.

– Получается, людям нравится своя накатанная колея, и неважно, догадываются они об этом или нет, она всегда ведёт к одним и тем же, чаще – отрицательным результатам. Люди не только не учатся на чужих ошибках, но постоянно наступают на одни и те же грабли и твердят: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

– Я вижу, вы эти дни не напрасно топили печь.

– Почему вы так решили? – удивился я, отреагировав не на то, что «топил» (хотя это была правда), а на то, что «не напрасно».

– Живой огонь сжигает отрицательные эмоции и, значит, освобождает место для свободы мысли, да ещё в союзе с такими собеседниками, как книги.

Однако я не был свободным в своих размышлениях, хотя уже прочёл немало да ещё побродил по Интернету. Я чувствовал какуюто незавершённость, неясность в мыслях, потому что моста между «словом и делом», между мыслью и поступком ещё не существовало и вопросы: «Как же сделать так, чтобы добиться хотя бы промежуточного, но желаемого результата?», «Как это новое знание применить на практике?» – оставались для меня открытыми. И хотя я снял на время вопрос «Кто виноват?» и полностью перешёл к другому главному вопросу «Что делать?», – я чувствовал неудовлетворённость, растерянность и однажды прямо спросил об этом С. А.:

– Почему я не могу приложить к жизни идущие сейчас ко мне сплошным потоком знания? Может быть, мне нужна какая-то практика? Или реальные живые примеры?

– Что же может быть лучше и живее примеров из практики вашей собственной жизни? И я уже вам предлагала, задумайте, пожелайте себе что-нибудь хорошее, вдруг получится?

– А если плохое?

– Ну зачем же себе желать плохого?

– А если другим?

– Так ведь оно вернётся к вам по принципу «Подобное притягивает подобное». Так что будьте осторожны, с судьбой такие шутки плохи.

– Как аукнется, так и откликнется? Да?

– Ну да.

– И всё-таки давайте попробуем не на моём примере, я ещё не готов.

– Ладно, попробуем. Будем учиться на чужом опыте. Сначала кратко повторим урок. Что вы морщитесь? Мы же сделаем иначе.

– Хорошо. Согласен.

– Спасибо. Итак, всё, что происходит в нашем сознании, постепенно, но неотвратимо становится нашей жизнью. Мы сами притягиваем к себе, как магнитом, силой своих же мыслей и образов всё, о чём мы думаем, что мы истинно, не на словах, желаем, и в результате мы становимся тем, о чём больше всего думаем. Это нечто вроде частотного коридора, в который мы попадаем по собственному желанию или, как ещё говорят, вибрации, с которой мы начи-

наем совпадать, и наши установки в виде мыслеобразов становятся реальной жизнью, превращаются в события, живых конкретных людей, даже в вещи. Я взмолился:

– Пожалуйста, давайте на живых примерах.

– Пожалуйста. У наших примеров есть даже имена. Пример 1. У матери-одиночки вырастает дочь и тоже становится матерью-одиночкой. Пример 2. Избалованный, лишённый воли сын «горячо любящей» матери либо не женится вообще, либо постоянно разводится, т. к. ни одна невестка не удовлетворяет требованиям свекрови. Пример 3. Мать, отдающая детям «всю свою жизнь», видит, как они от неё отдаляются, не желают быть благодарными, а она не может ничего предложить, кроме упреков. Пример 4. Женщина-трезвенница постоянно выходит замуж и разводится, ибо её мужья оказываются пьяницами.

Вы сможете проанализировать эти весьма распространённые ситуации с позиций интересующих нас идей?

– Нет, конечно. Пожалуйста, вы сами...

– Хорошо. Я начну с последнего примера. Некая женщина выходит замуж и первый муж, вполне возможно, действительно злоупотребляет крепкими напитками. Она постоянно об этом думает, возмущается, устраивает сцены, исправить ничего не может и, наконец, разводится. Выходит замуж второй раз. Он – не пьяница, но женщина по-прежнему постоянно и напряжённо думает о том, что это возможно, ибо «все мужчины таковы». Она становится подозрительной, недоверчивой, устраивает «допросы с пристрастием» и прочее в том же духе. Мужчине, в конце концов, такое поведение надоедает и он начинает чаще встречаться с друзьями и, значит, реже бывать дома, а друзья-мужчины, как известно, предпочитают обсуждать любые темы за кружкой или рюмкой. Таким образом, её подозрения оправдываются, опять – скандалы, слёзы, затем – новый развод. Женщина в третий раз выходит замуж...

– И за что же ей такое везенье?

– Не обольщайтесь, она оказывается на приёме у специалиста, ибо боится потерять и третьего мужа. Они подробно разбирают события её жизни и приходят к выводу, что все её думы о мужчине-муже были связаны с этим достаточно распространённым образом, который, если не предаваться излишествам, имеет и свои положительные, как оказалось, черты, только она долго себе в этом не признавалась. Мужчины после своего «падения», как она говорила, искренне и пылко раскаивались, осыпали её комплиментами и подарками, примирения были романтичными, весьма приятными для её самолюбия, она чувствовала себя добродетельной и невинно пострадавшей (и это очень её устраивало), он – виноватым и грешным, чувства обострились. Поэтому, если второй муж вначале ещё и не стремился к застолям без неё, то ведь она сама этого бессознательно хотела и всячески подталкивала его к таким поступкам, подозревая и красочно описывая или воображая ещё не существующие, может быть, события, после которых (а её сознание бережно хранило такие воспоминания) обычно бывает чудесное примирение, где она – почти богиня, а он – восхищённый её совершенством коленопреклонённый поклонник.

Я уже откровенно смеялся, С. А. тоже.

– Как вы их... раскатали, однако, – восхитился я. – Я даже не ожидал от вас такого... сарказма.

– С мелодрамой всегда так: кто-то плачет, а кто-то смеётся.

С. А. встала, подошла к окну, задёрнула шторы, потом, легко и неслышно двигаясь по комнате, зажгла светильники на стенах и на столах. В доме стало светло и уютно.

– Наверное, теперь вы сами расскажете мне, как дружно станут осуждать герои других ситуаций: в случае с матерями-одиночками – мужчин, в случае матери с сыном – женщин, а у матери с детьми – всю молодёжь, которая «не та пошла».

– Да, и снова, и снова притягивать в свою жизнь этих неверных мужчин, грешных женщин и неблагодарных детей. Пора мне сходить с накатанной колеи шаблонов обывателя. Но вот где взять этот новый, нестандартный взгляд удачливых людей, у которых получается то, что они осознанно замыслили, имеют то, что хотели получить, и не имеют того, чего не хотели?

Я задавал эти вопросы скорее риторически, не очень надеясь получить ответ. Но С. А. ответила:

– Вот видите, всё оказалось не так страшно, и вы уже сами довольно точно формулируете свой вопрос. Значит, пришло время. Поверьте, если вы чего-то очень сильно захотите и сможете создать внутри себя точное представление о своём желании, то всё придёт само собой – и новые мысли, и желанные люди, и нужные события. Только не думайте, что их приход будет громогласным и торжественным, подобно фанфарам. «Голос истины появляется в тишине, и звучит он тихо и нежно...» Она посмотрела на меня вопросительно, сделала паузу и добавила:

«...как необъяснимый привычными словами интуитивный шёпот».

Помню, она часто смотрела так на меня, как бы спрашивая, понимаю ли я то, о чём мы говорим. А я опять впал в состояние уныния и протеста одновременно:

– Нет! Нет! Я никогда не сумею это сделать!

– Не надо ничего «уметь», – терпеливо объясняла С. А. – У истины есть прекрасное свойство: её не надо учить или запоминать, если она открывается, не заметить её, тем более забыть, просто невозможно.

– Вашими бы устами...

В этот вечер было и ещё что-то неочевидное и невероятное. К сожалению, не могу вспомнить. Помню только, что в конце встречи С. А. заметила:

– Спешить не надо. Суета в таких делах не помощник. И хотя результат может сказаться далеко не сразу, можете считать, что «процесс уже пошёл».

С. А. улыбнулась своей милой лёгкой улыбкой и добавила:

– Мне очень нравится, что сказала однажды Елена Ивановна Рерих, правда, по совсем другому поводу: «Добро обязательно вернётся, пусть через 100 лет, пусть даже не к вам». Прелестно, не правда ли?

И хотя я тогда вовсе не разделял её восхищения и уверенности, фраза почему-то осталась в памяти, и только много месяцев спустя, мне кажется, я уловил тот внутренний смысл, который хотела мне передать С. А.

А в то время почти ежедневного общения с нею я стал замечать, что всё больше начинаю откликаться не только на слова, которые она произносила, но и на исходившее от этих слов очарование, вызываемое то ли особым тембром голоса, то ли непривычно звучащей для меня тогда неторопливой, подробной литературной речью, то ли какими-то оговорками, отголосками из жизни уже ушедшего мира. Все эти: «Голубчик», иногда даже «Государь мой»; «мило-сти прошу» – вместо «проходите»; «иметь случай» – вместо «иметь возможность»; «третьего дня», «в булошной у Елисеева»; обращение по имени-отчеству, без фамилии, как к ныне живущим, так и к ушедшим людям, которых она помнила и почитала, – эти слова, а также она сама, своим присутствием, каким-то непостижимым образом создавали совсем иную реальность, а содержание бесед, вместе с интонацией, взглядом, паузой, жестом, – раскрывалось постепенно, меняло смыслы, подобно растущему живому существу. Сначала, например, появлялось одно предложение: «Мир всегда откликается на то, что ты знаешь, и даже на то, что ты только готов ещё познать». К нему добавлялось другое: «Я становлюсь тем, что в себе прозреваю», и рядом выстраивалось третье: «Нужно быть не знающим, но познающим то знание, которое присуще твоей душе», иначе говоря, «Смыслы создаём мы сами, именно те, что мы способны в данный момент пережить». Иногда возникало что-либо достаточно известное, типа: «Познай себя, и ты познаешь Вселенную», и я был рад узнаванию. А потом вдруг все высказывания этой цепи приобретали дополнительное или даже новое значение, причём, что удивительно, прежние смыслы никуда не исчезали, напротив, чаще всего они обогащались какими-то деталями или оттенками мысли.

Должен был пройти довольно значительный период времени и моего доморощенного самообразования, чтобы я начал понимать, как много замечательных заимствований наполняли речи С. А., причём большая их часть носила характер так называемых «скрытых цитат», и лишь изредка упоминалось имя того или иного автора. До сих пор не знаю, на чём основывала она свой выбор – раскрывать или не раскрывать первоисточник. Как-то я набрался смелости и спросил, в каких случаях всё-таки допустимы, необходимы или желательны ссылки на цитируемых авторов. Она легко разгадала мой язвительный подтекст и ответила, не задумываясь:

– Естественно, я использую информационные поля как пространство для поиска разного рода знаний. Если мысли, идеи – это то, что меня волнует, и они «витают в воздухе», то вполне возможно и, кстати, сейчас достаточно распространено, – многократное, многоуровневое цитирование и такое же комментирование смыслов. Получаются иногда весьма любопытные коллажи. Что же касается собственно знания, любого, то оно, по моему глубокому убеждению, лишь до какого-то предела – наука, со всеми её авторскими правами, престижем, статусом и прочее, потом – это вера, откровение, озарение. Даже высокое научное знание когда-то становится отвергнутым, и лишь божественное – навсегда.

Предупреждаю ваш вопрос: последнее недоказуемо.

Я уже привык в наших беседах не обращать внимание на отдельные непонятные слова и высказывания, стараясь вникнуть в «общий контекст». Я запомнил замечание С. А., брошенное ею однажды, что иногда полезнее идти не традиционным путём – от простого к сложному, а наоборот, от сложного – к простому, перескакивая ямы непознанного. Она обычно чувствовала, когда я начинал «буксовать», и старалась дать пояснения.

– Ныне есть великое намерение соединиться с древними, в т. ч. мистическими учениями: науке – с религией и мифологией, искусству – с философией, документом, фольклором; увидеть мир, как прежде, опять целостным, где всё взаимосвязано, где была и есть тайна, неразгаданность, даже, если хотите, нелогичность, в нашем современном понимании. Они-то все вместе и оказываются порой гораздо ближе к истине, которая не отменяет старое знание, но вбирает его в себя и, тем самым, привносит в истину полноту.

Вроде бы ответ, а может быть, новая мысль или её оттенок, или так, предмет для размышления, но мне почему-то нравились всё больше такие беседы, и я приходил к С. А. снова и снова.

Отчётливо помню один вечер, возможно, оттого, что его героями стали звери. На дворе было морозно, снежно, чисто, и в таких случаях С. А. обычно разрешала Диане войти в дом. Однако в этот раз Диана сама остановилась у порога и вопросительно посмотрела сначала на хозяйку, потом на меня. Я не сразу догадался, в чём дело. С. А., тихо посмеиваясь, наблюдала за происходящим, а потом и я увидел в нише, где стоял на подставке в виде колонны античный бюст Платона, на пуфике рядом уютно возлежащую пушистую кошку.

– Знакомьтесь, это Ева, – плавным медленным жестом указала на неё С. А. Разумеется, я попытался польстить хозяйке:

– Как вы, наверное, заметили, я собачник, а не кошатник, но эта красавица-персиянка, если не ошибаюсь...

– Ошибаетесь, – С. А. явно забавлялась. – Это помесь норвежской лесной и, действительно, перса-отца.

– А почему Ева?

– Так получилось... Диана, можно, проходи, – сказала С. А., легко встала, подошла к Еве и нежно стала гладить ей спинку и уши. Ева в ответ изящно прогнулась и переменяла позу. В то же мгновение мне пришли в голову отчётливые картинки-воспоминания: а ведь я ни разу не видел ни одного зверя, который бы выглядел неестественно, фальшиво, чьи движения были бы нехороши или некрасивы. Даже когда мы с Ванечкой ходили в зоопарк и к нам навстречу на задних лапах заковылял якобы неуклюжий медвежонок, сын, заливаясь смехом, кричал от радости:

– Смотри! Смотри, папа! Какой он хороший, какой красивый!..

Я с грустью вспоминал этот летний недавний эпизод, когда в моей семье было так мирно и безоблачно, по крайней мере, мне тогда так казалось, – и одновременно, бездумно и машинально, следил за С. А., пока не поймал себя на мысли, что, несмотря на всю свою грусть,

я люблю её неторопливыми плавными движениями, тем, как она неслышно и мягко переходит от одного предмета к другому, как её жесты становятся особенно выверенными и осторожными, когда она приближается к Еве, а их безмолвный, но явно ощущаемый мною в тот момент диалог доставляет несказанное удовольствие им обоим.

– Почему бы вам не полюбить и других зверей, – как всегда мягко, негромко обратилась ко мне С. А., играя с Евой. – вспомните, как красив бег свободного табуна лошадей с развевающимися гривами; а немыслимый прыжок леопарда, и вообще вся лепка его тела, окрас, повадка. Да возьмите любого: кружащие, как ангелы, в небе птицы; рассекающие воду, взлетающие над водой дельфины... А трава, цветы, деревья?..

С. А. рассказывала о зелёном разуме, о том, что растения – это живые существа с развитой мыслительной системой и чувствами, что об этом уже есть масса исследований. К примеру, когда человек собирается полить дерево, оно чувствует себя счастливым, – и у него один график эмоций; когда же к нему направляется человек с топором, и дерево знает, что его будут рубить, оно начинает дрожать от страха, а соседние деревья тоже чувствуют боль в ту же секунду, когда гибнет их собрат, и в их графиках пропадают ритм и гармония, но появляются рваные зигзаги. Если же идёт тот же самый садовник, лесник или ещё кто-то, и топор у него тот же самый, но намерения причинить боль растениям у него сегодня нет, – дерево спокойно, и вокруг него всё спокойно, а графики опять полны гармонии.

Я сидел в старинном удобном кресле и чувствовал себя непривычно спокойным, почти счастливым, что было для меня весьма странно в ту пору, попеременно впадающего то в состояние раздражения, «шума и ярости», то враждебно-холодного безразличия. Здесь же, в этом тёплом доме, С. А. зажигала свечи и ладан и своим тихим, умиротворяющим голосом рассказывала чудесные истории о счастливых и любящих растениях, об умных, героически-благородных животных и о людях, живущих вместе с ними какой-то особенно прекрасной жизнью. Я слушал её в состоянии приятного полусна-полубодствования, и до меня доносились отдельные слова и предложения:

– Какое красивое название: «Родословная альтруизма», не правда ли? Эту книгу написал великий исследователь и великий человек... Анализ громадного количества фактов, теорий, гипотез в сочетании с собственным научным опытом привели его к неопровержимому выводу, что уже древнее племя без нравственных начал было обречено на вымирание, и, значит, человечество без альтруизма, т. е. сопереживания другому [альтер – эго = «другой “я”»], не выжило бы... Сама идея справедливости, добра, самопожертвования подобна фениксу, – говорил он, – она способна к регенерации, постоянному возрождению из пепла... И она постоянно проследживается в живом опыте... Вот небольшой пример. Есть стая маленьких обезьян. Она знает, на водопое её может встретить леопард, её враг. Естественно, стая старается его избегать. Но иногда бывают случаи, когда избежать столкновения оказывается невозможно... И тогда в центр стаи становятся самки с детёнышами, их окружают самцы, и в таком виде они идут к воде. Но! Вперёд выдвигаются два молодых самца: обезьянки маленькие, а леопард по сравнению с ними большой, – они первыми встречают хищника. Один бросается на шею, другой – на хвост, и, как правило, оба погибают в неравной схватке. Но и леопард ослабевает, если не гибнет тоже, а стадо получает вождеденную воду...

...И как, скажите на милость, кроме как «подвиг» и «героизм», можно назвать этих маленьких смелых обезьянок? Предположить, что они не понимают, на что идут каждый раз, тоже невозможно... Откуда в природе появилось и постоянно воспроизводится благородное

начало? А ведь оно есть везде, и обезьянки – только один пример... А защита своего стада и своей территории вожаком? А самопожертвование самок ради детёнышей? А преданная, порой смертельная дружба человека с самыми разными представителями животного мира? Может быть, в том числе, и отсюда появились слова в священной книге: «Нет большей любви, чем положить жизнь за други своя...»

...Я слушал ровно и мягко текущую речь С. А. и сквозь её слова, внутри меня, сначала еле слышно, потом сильнее, начинала явственно звучать боль вины и неисполненных обещаний, сотканная из сплетения стыда за ошибки и бессилия их исправить... И в это время я услышал:

– Я бы назвала это совестью или пробуждающимся нравственным чувством... А потом:

– Хотите, я вам поиграю?

«Она угадала», – подумал я, закрывая глаза и расслабляясь. С первыми же звуками рояля, зазвучавшего хрупко и нежно, я стал ощущать неуклонно расширяющийся во мне простор внутренней свободы, надоедливая «пляска мыслей» куда-то исчезла, а на её месте отчётливо стала проявляться наполненная музыкой особая пустота. Приятно успокаивающее тепло медленно разливалось по всему телу, в то время как вокруг лба ощущалось лёгкое, прохладное дуновение ветерка, и всё это вместе – музыка, простор, прохлада и тепло – создавали впечатление такой удивительной свежести и чистоты, как будто кто-то невидимый, похожим на серебряные нити потоком, омывал меня целиком, наполняя сияющей энергией...

...Когда я открыл глаза, то первое, что увидел, была Ева, уютно устроившаяся у меня на коленях и тихо поющая свою песню.

– И как долго продолжалось... всё это?

– Минут пятнадцать, наверное.

С. А. и Ева посмотрели друг на друга, Ева перевела взгляд на меня, как бы ожидая похвалы за хорошо выполненную работу. Я понял и погладил её с благодарностью. Она удовлетворённо мяукнула, прыгнула с колен и вернулась на своё место.

– Умница, молодец! – сказала ей С. А. и обратилась ко мне:

– Вы, конечно, знаете, что лучшим доктором считается кошка: когда вы её гладите, это стимулирует определённые точки на ладонях, а её песни не просто успокаивают, но и снимают стресс, и даже кое-что похуже.

– Это кто-то исследовал?

– Вы опять за своё? Конечно. И здесь все единодушны – и учёные, и народная мудрость, и общественное мнение. В Интернете вывесили список (со всеми необходимыми ссылками!) из шести главных животных-целителей. Угадывать будете?

– Это собаки?

– ...собаки, лошади, пчёлы и змеи, но на первом месте – кошки!

Ещё чувствуя приятное расслабление, я медленно встал. Диана, всегда быстро считывающая моё настроение, поняла, что мы уходим, и подошла ко мне. Я ещё раз поклонился С. А. и Еве и спросил:

- А что это было?
- Всего лишь старый добрый АТ = аутотренинг.
- А музыка?
- Музыка обязательна.
- А Ева?
- А вот Ева – это уже роскошь.
- Я ваш должник.
- Ну да, – усмехнулась С. А. – Только не приносите ей «Вискас».
- Почему?
- Она любит всё натуральное.

Эти отрывочные записи наших встреч показывают, должен с горечью это признать, как бездумно я плыл по течению, растрачивая время, игнорируя чувства и забывая мысли, не предполагая даже, что когда-нибудь воспоминания будут раскачивать мою память во все стороны, пытаясь восстановить прошлое. Когда пришло какое-то понимание, было уже поздно. Правда, я и сейчас думаю, записывать наши беседы С. А. всё равно бы не позволила. Она была известным театральным художником по костюмам и, как всякий истинный рукотворящий, мастер стремилась быть как можно дальше от каких-либо видов техники.

В то время, как мы встречались, я не сразу, но с каждым днём всё отчётливее стал замечать, что куда-то уходит, растворяется моя нервозность и раздражительность, первоначальная эмоциональная острота обид и потерь становится просто предметом для анализа, да и я сам постепенно превращаюсь в довольно уравновешенного, несамолюбивовнимательного наблюдателя. Как и почему так получалось, я не смог бы объяснить и сейчас, но то, что это было связано с влиянием С. А., у меня не вызвало сомнений. Она каким-то таинственным образом передавала мне способность «спокойного созерцания хода событий», доверия к миру, уверенности в том, что мир расположен к каждому из нас, что всё есть и, тем более, будет хорошо, если я сам сумею настроиться на определённый лад, не стану отворачиваться от правды событий, но принимать на себя всю ответственность за происходящее и стараться сознательно выстраивать свои мысли и чувства в нужном направлении.

– Направлений этих множество, – говорила она, – об этом позаботилась современная наука – и не только! А мы вольны выбирать то, что больше всего соответствует нашей индивидуальности. Правда, есть и общие правила, например, наши эмоции. Они для нас как индикатор истинности или ложности. Очень быстро, почти мгновенно сообщают, о чём мы думаем и

хорошо это для нас или плохо. Плохие новости – неприятные ощущения, негативные эмоции, например, подавленность, гнев, обида, раздражительность, чувство вины, зависти, страха... Особенно опасно чувство страха. Но и плохое самочувствие, дурное настроение, разочарование, тоска, депрессия могут привести к различным заболеваниям (сейчас врачи уже серьёзно говорят о том, что страх, депрессия, стресс провоцируют развитие раковых клеток). Если мы со своими дурными мыслями попадаем на частоту, вырабатывающую, хранящую негативную информацию, мы закономерно получаем ещё больший «негатив», в результате чувствуем себя ещё хуже, и так по кругу. Мир как бы говорит нам: ты это чувствуешь, значит, тебе это нравится; раз ты в этом поле постоянно находишься, значит, ты этого хочешь, – так возьми! Получи ещё! И всё вроде бы справедливо... В словах это выглядит несколько упрощённо, неточно, но вы, надеюсь, поняли, о чём речь. Я часто и на разные лады спрашивал сначала себя, а потом и С. А.:

– Значит, если ко мне придут другие чувства, например, восхищение, радость, благодарность, любовь, в конце концов, то получается, и они способны притянуть, может быть, даже с большей силой, позитивные эмоции, которые будут отражаться и на моём самочувствии?

– Ответ положительный, – уверенно сказала С. А. – Как видите, всё просто и ясно. Наши чувства – любви, радости, милосердия, осознания истинности причин и следствий... – это своеобразные сообщения от нас во Вселенную и обратно. И главная, конечно, среди них ЛЮБОВЬ – к жизни, природе, отечеству, мужчины и женщины друг к другу, к детям... Заметьте, всё искусство «про любовь», и герой, нашедший любовь, всегда прав, а если потерял, предал её, – то осуждён.

Она задумалась на некоторое время, что-то припоминая, потом стала говорить:

– Есть и выше познание, где «пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но Любовь из них больше». И «если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая...», «если имею дар пророчества и знаю все тайны..., а не имею любви, – то я ничто». Это – апостол Павел, первое послание к коринфянам...(*

Первое послание к коринфянам св. апостола Павла. – XIII: 13; 1, 2, 3.)

– Но ведь, насколько я помню, – осторожно заметил я, – именно

Павел был жестоким гонителем христиан, он их преследовал, убивал... С. А. улыбнулась своей доброй, лёгкой улыбкой:

– Более того, Павел не был среди 12 избранных апостолов, он никогда не видел живого Христа и написал свои 12 посланий до того, как появились на свет четыре главных Евангелия. Но! Он был преображён на пути в Дамаск, потом смог сам сделать те самые единственные шаги навстречу Богу, раскаяться и совершить со всею искренностью и пылом, ему присущими, то, что никому не удавалось в то время: он сам познал учение Христа, и здесь он подобен нам, точнее, мы – ему, когда мы стремимся к высшему. А его образованность, пламенность, способность к проповедничеству, заражению вот уже больше двух тысячелетий вдохновляют и обновляют нас свежестью и силой слова:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится; Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла; Не радуется

неправде, а сорадуется истине... Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»*(Там же. XIII: 4, 5, 6, 8.)

Я обречённо вздохнул:

– Для меня это недостижимо. Мне бы что-нибудь попроще: «Хочешь быть счастливым, будь им».

– Видите, для вас уже то, над чем с переменным успехом бьются современные психологи, – просто.

– Можно и продолжить: «Засмейся, и с тобой засмеётся весь мир. Заплачь – и ты останешься в одиночестве».

– Да. «Возрадуйтесь!» В Библии это пожелание звучит 365 раз,

т. е. столько, сколько дней в году.

– «Не судите, да не судимы будете»...

– У нас настоящий дуэт получился, в унисон, – обрадовалась С. А.

– Не скажите. Я как раз вспомнил о так называемом «скандинавском» или «норвежском синдроме», не помню точно. Это исследования о садистах, маньяках, похитителях и т. д. Результаты показали, что через какое-то время жертва старается понравиться палачу и вызвать тем самым ответные чувства. Что вы об этом думаете? С. А. Вздохнула:

– Ох, не знаю, голубчик, боюсь, не смогу вам помочь. Там, где нет «высшего смысла», по Достоевскому, может возникнуть что угодно, ибо «всё позволено».

С. А. никогда не стремилась меня во что-то «обратить», в чём-то убедить или переубедить, – ей это было совершенно не нужно, просто она говорила то, что думала и чувствовала, но само её присутствие вдохновляло меня следовать какими-то своими, хотя ещё смутно ощущаемыми тропами, желательно соизмеримыми с теми мыслями и состояниями, которые она раскрывала и которые находили отклик в моих собственных поисках. Так, я сам «открыл» «Золотое правило» из «Золотого фонда человечества»: поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы с вами поступили другие. Я, конечно, соглашался: «Всё понятно», – и тут же возражал сам себе: «Но ведь далеко не всегда и выполнимо, да и не все это знают». Словом, сомневался я гораздо чаще.

– Вы математик? – как-то спросила меня С. А.

– В том числе...

Я ещё не понимал, куда она клонит.

– Вы легко заметили некоторые нестыковки в текстах, которые мы разбирали. Например, авторы говорят: «если вы поступите так-то и так-то, то получите то-то и то-то». В определённых пределах это – правда, Закон именно так и работает. Я называю это «теорией среднего

уровня» или, если снизить притязания ещё на один порядок, – «инструментальным уровнем». Вы хотите новую машину, – они часто приводят такого рода примеры, – выбирайте желаемую модель и постоянно прокручивайте этот «слайд» в голове, отчётливо, ясно, со всеми деталями, и довольно скоро всё как-то так и сложится, вам даже не надо думать, кто и как это будет делать, – говорят они, – и машина именно данной модели станет вашей. Разве не чудесно? – грустно сказала С. А.

– Люди любят такие чудеса... – попробовал заступиться я.

– Что же касается высшего уровня желаний и смыслов, глубинных причин возникновения связей между замыслом и исполнением, – здесь никто ничего по-прежнему точно не знает. Так, иногда, кое-кто догадывается. Кстати, лучшие среди пишущих на подобные темы честно признаются: «Это – Тайна, мы не знаем, почему так происходит, мы просто заметили, и не один раз, что при определённых условиях с одной и другой стороны это случается... Дальнейшее – молчание».

Я внимательно слушал С. А., а в голове вертелся один вопрос, и, наконец, я решился его задать:

– А вы сами используете эти законы в своей жизни?

Спросил и понял, что напрасно спросил. С. А. отвернулась, мне даже показалось, слегка поморщилась и неохотно проговорила:

– В некотором смысле, да.

– В каком смысле? – не унимался я.

– Видите ли, молодой человек, – тихо произнесла она, – привлекать к себе деньги, машины, наряды, тем более, успех и славу, это... не очень принято в нашем круге.

– Позвольте! – воскликнул я. – Что значит «принято» или «не принято»? Неужели ещё или уже снова, не знаю, как точнее сказать, существуют «свои» и «не свои» круги?

– Точнее, они существуют «уже снова», но я, конечно, не об этом.

Она посмотрела прямо мне в глаза и произнесла строго и твёрдо:

– У нас – принято – следовать – Заповедям – Заветам – и Нагорной проповеди.

Я растерялся:

– То есть, вы...

Я смотрел на С. А. и то ли вспомнил, то ли, наконец, догадался, что не следует так бесцеремонно вторгаться в частную жизнь другого человека. В голове стали мелькать какие-то слова о свободе вероисповедания, дурных манерах и даже зачем-то о том, что церковь давно отделена от государства... По-моему, я покраснел, и С. А. смиловалась: – Вы, разумеется, не можете знать, Ника...

«Хорошо, – облегчённо вздохнул я, – уже не “молодой человек”, а Ника».

...что меня воспитывала моя бабушка, а она родилась в 19-м веке.

– Не может быть! – искренне удивился я, радуясь такому развороту нашей беседы.

– Может! В начале Отечественной войны ей ещё не было и 50 лет. Это для вас Вторая Мировая – далёкая история, а для нас – самая настоящая жизнь. Мама с папой воевали. Отец и его 14 солдат погибли, когда им не было ещё и 30 лет, защищая небольшую деревушку в Молдавии с красивым названием «Дубки». Все как один. Очень похоже на фильм «А зори здесь тихие», только это про молодых мужчин, юношей, а там были девушки. Потом им поставили памятник, высекли имена на мраморе, отец там – первый, он был командир. Сейчас не знаю, остался ли памятник или нет... Мама снова вышла замуж, у неё был военно-полевой роман, тоже почти как в кино. Потом – новая семья, дети, а я так и осталась с бабушкой, до конца, до её конца... Хотите взглянуть на её портрет?

– Конечно!

На фотографии была изображена юная красавица лет 18, стоящая вполоборота и смотрящая в сторону от объектива. На ней было нарядное кисейное белое платье, обтягивающее тонкую талию и плечи. Волосы и грудь украшали жемчуга. Одной рукой она придерживала лёгкую ткань платья, в другой держала веер. Мне захотелось перевернуть фотографию и я вопросительно взглянул на С. А. Она слегка кивнула головой, разрешая. На обороте было написано:

Продолговатый и твёрдый овал,

Белого платья раструбы... Юная бабушка, кто целовал Ваши надменные губы?

(Из Марины Цветаевой, 1913 год)

Я смотрел на прекрасное, молодое, такое нездешнее лицо, и у меня в голове протяжно и грустно зазвучала скрипка, и чей-то знакомый голос тихо проговорил: «серебряный век»... Я повернул голову в одну, потом в другую сторону, и как будто заново увидел всё вокруг: старинные картины и фотографии на стенах, большой киот с иконами в глубине дальней комнаты, перед ним – зажжённая лампада, в шкафах – большие тяжёлые книги с золотым тиснением на переплётах. Я увидел стройный силуэт С. А. в длинном платье, её тонкие руки, зажигающие вечерние свечи, и почувствовал всем существом своим, как давно живут эти вещи в доме вместе с нею, как далёк и неведом мне этот строгий, чужой мир и как жаль, что он вряд ли примет меня к себе, да и почему, собственно, он должен меня принимать, если я сам живу в совершенно другом, временном, суетном, не совпадающим с ним, таким вечным миром?

Мимо прошла Ева, мягко задела меня своим пушистым хвостом, но я не стал её гладить и касаться, я был полон горького прозрения: «С. А. всё это время разговаривала со мной не то что вполсилы, а просто как с неразумным щенком, который ещё только учится понимать первые, самые простые слова человека».

– Зачем вы предлагали мне эти упрощённые, облегчённые варианты? Разве нельзя было иначе?

Я запнулся, не зная, что сказать дальше, но С. А., кажется, поняла.

– Не обижайтесь, – она добро и грустно смотрела на меня. – Не так уж всё и упрощённо. Не гневите Бога и не пестуйте свою гордыню. Вы как раз многое сейчас способны понять и сделать, а многое уже сделали.

– Почему «сейчас»?

– Потому что кризис – это и новые возможности, а не только потери. А духовный поиск может начинаться с чего угодно, ...ибо «все пути ведут к храму».

– А почему «из Марины Цветаевой», а не просто – «Марина Цветаева»?

С. А. была само терпение:

– Видимо, потому, что у Марины Ивановны написано: «чёрного платья раструбы», а здесь – «белого».

– А почему «видимо»? Разве не вы это писали?

Нет, не я. Право, какой вы сегодня...

Мы замолчали. Ева ходила по комнатам, появляясь, казалось, сразу в разных местах. Я, наконец, смутился: – Извините, действительно, я, пожалуй, пойду... – Приходите. Ева явно вам симпатизирует.

– Не знаю...

Через несколько дней я, конечно, пришёл снова, но продолжения закрытой для меня до сих пор темы не последовало. Каким-то шестым чувством я смог уловить, что сейчас нельзя ни о чём подобном спрашивать С. А., что это я не готов к разговору и что поэтому никаких объяснений с её стороны не последует.

Теперь меня уже не удивляли ранее поражавшие своей неразрешимостью контрасты: где-то люди ссорились, обманывали и предавали друг друга; в новостях ежедневно вещали о том, как человек не прекращает калечить и убивать себе подобных, тем паче «братьев наших меньших» (не стеснясь, с гордостью заявляя о таком, например, решении европейского суда: «крокодилов будут мучить, т. е. сдирать живьём кожу для дорогих дамских сумочек, – но меньше»). Где-то совсем рядом, сегодня, сейчас всё это происходило и происходит, а здесь, в усадьбе, было тихо, спокойно, и казалось до странности уместным, что по утрам пахнет свежемолотым кофе, вечером звучит «живая» музыка и в любое время дня тебе внимают с портретов благородные, умные лица, как бы поощряя к неторопливым беседам о несуетном. В этом мире не было места раздражению или гневливому осуждению, но было соперничество, стремление к пониманию каких-то очень важных вещей.

Я задумывался об этом не раз и однажды вдруг осознал, что вот, наверное, это и есть одно из практических проявлений тезиса «подобное притягивает подобное». Правда, когда я сказал об этом С. А., она не согласилась, но и не объяснила, почему, – просто развела слегка руками и заметила: «Как-нибудь в другой раз поговорим».

Однажды, после просмотра одной из популярных вечерних передач, заканчивающихся ответами на вопросы анкеты приглашённого гостя, я спросил С. А., что бы она сказала, если бы и ей пришлось предстать перед апостолом Петром. Она, ни секунды не раздумывая, ответила:

– Благодарю.

– За что?

– За жизнь, конечно.

Я запоздало удивился, уже к тому времени немного представляя её отношение к массовому вещанию:

– Вы смотрели... эти передачи?

– Нет, я читала Пруста.

Думая, что разгадал причину уединённой «книжной» жизни С. А., я как-то полуутвердительно спросил:

– Вам, наверное, скучно бывает с людьми? – и, конечно, ошибся.

– Ответа «да» или «нет», опять же, не получится. Всё гораздо интереснее. Книжки, конечно, надёжные собеседники, но я разделяю и то мнение, что каждого человека, встретившего тебе на пути, следует воспринимать как своего учителя.

– Говорят многие, но мало кто следует...

– Голубчик! Если бы всё было так просто! Позвольте, я вам кое-что прочту.

Она подошла к бюро, где у неё хранились какие-то карточки, и вынула одну из них: «Нынешняя молодёжь привыкла к роскоши. Она отличается дурными манерами, презирает авторитеты, не уважает старших. Дети спорят с родителями, жадно глотают пищу и изводят учителей». Кто это мог сказать, по вашему мнению?

Я молча пожал плечами.

– Ну, хотя бы, когда? – добавила С. А.

– Думаю, недавно...

– Вот! Так же сказали и студенты вашей мамы, правда, она провела этот опыт лет 20 тому назад, поэтому-то я и думала, что вы знаете правильный ответ.

– Я тогда, в основном, мыл чужие машины за деньги и мало интересовался мамиными студентами.

Она пропустила мимо моё остро-политическое замечание и сказала:

– Сократ. Пятый век до нашей эры. Думаю, что были и раньше подобные высказывания, а «воз и ныне там». А ведь все согласны, никто не против, не так ли?

Она выпрямила и без того прямую спину и мечтательно произнесла:

– Если бы можно было один раз сказать или написать – на черепке, на стене, на бумаге или на пергаменте, – и всё бы получилось, тогда, наверное, мы жили бы в другом мире. Но человек несовершенен, неразумен и иррационален.

С. А. помолчала и задумчиво добавила:

– Хотя... последнее его качество совсем неплохо. И вообще, пусть всё и все будут: парикмахеры и продавцы, наставники и лицедеи, священники и военные, и те, кто определяет цифровое будущее, и те, кто защищает традиции.

– Ну, да, – подхватил я, – дальнобойщики и оперные певцы, ветеринары и охотники, палачи и жертвы, и так по списку!

– Мир многообразен, и это... замечательно и ужасно. Но я говорю лишь о том, что пусть будут востребованы, или хотя бы замечены и приняты также и те, кто живёт «высшими смыслами», духовнонравственной жизнью, люди «облагороженного образа», beautiful people, вестники ноосферы...

– Но ведь вы не можете не понимать, что означает это так называемое многообразие?

Сначала я говорил более-менее нормальным голосом, так мне казалось, но потом уже просто кричал:

– Значит, пусть будут войны и предательства, а не только мир и благолепие, пусть плодятся болезни, страх перед будущим, перед «цифровой наготой», пусть человек впадает в бездну триады: депрессия – зависимости всех видов, начиная с наркотиков, – безумие, а нам будет удобно и комфортно от игрушек индустрии развлечений в зомбированном обществе! Это вы хотите сказать?

С. А. подошла к книжному шкафу, достала какую-то книгу и стала её листать.

– Человечество продолжает жить, а, значит, продолжает бояться и мечтать, и поэтому оно нуждается в позитивных проектах. А вы правы, вам ещё надо бунтовать и бунтовать: «блажен, кто смолоду был молод», и «тот, кем бой за жизнь изведен, – жизнь и свободу заслужил».

С. А. закрыла книгу, поставила её на место и повернулась ко мне. Она улыбалась, а я по-прежнему кипел:

– Но как же так?! С одной стороны, всего несколько человек – мудрецы, пророки, святые, наконец, и с ними – истина; а с другой – миллиарды (!) – и ничто – нигде – не исполняется, никто – ничему – не желает – учиться – и продолжается без конца непрерывный, безумный шабаш жизни... Почему? Где справедливость? Где милосердие? Получается, всё напрасно и не надо уповать ни на какие откровения и заповеди, а жить, как живётся, «после нас хоть потоп»,

главное – «здесь и сейчас» – ухватить, присвоить, овладеть любой ценой, государственным переворотом или даже насильственным изменением сознания людей! Есть ведь и оправдание: идёт «пир во время чумы», значит, «всё позволено»! Так?!

С. А. несколько секунд прямо смотрела мне в глаза, а может быть, чуть выше, не помню, но я вскоре почувствовал, что успокаиваюсь. Потом сказала ясно и твёрдо:

– Нет! Не так. Да, их мало, «держателей истины», их и должно быть мало: станет больше, истина в этом качестве завладеет большим количеством людей, – снова выдвинется вперёд следующая плеяда святых мудрецов и провидцев, откроет следующий уровень знания, и т. д.

– «Мало» – это сколько? – не очень кстати встрял я. С. А. даже слегка поморщилась, но всё же ответила:

– Сколько надо. Когда в деревне прежде умирал знахарь или юродивый, через некоторое время появлялся другой, и никак не раньше. Потом продолжила:

– Но уберите их из жизни вообще, эти откровения и высокие идеи, и что останется? Вы сами сказали – «выживание», а не жизнь; войны, конкурентная борьба за власть, капитал и сферы влияния; «Золотой миллиард» и порабощение других; рынок, шопинг, деньги? И ради этого стоит жить?

Лицо у С. А. побледнело, синева глаз разгорелась ещё больше и она заговорила тихо и страстно:

– Пропадут герои и их подвиги, исчезнет чудо святости, влюблённые перестанут совершать свои безумства во имя Любви, а художники и мыслители писать свои великие возвышенные творения. Исчезнет таинственная связь Творца земного и небесного, и не будет уже в мире таких сокровенных слов:

...И вот вошла. Откинув покрывало, Внимательно взглянула на меня.

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала

Страницы Ада?» Отвечает: «Я»...

Пропадёт аромат жизни, исчезнет смысл человеческого существования... И неужели мы увидим его, испачкавшего в пыли колени? «Отрекись, Галилей, отрекись, что изменится во Вселенной?» Я встал прямо, во весь рост перед С. А.:

– Всё изменится, – сказал и неожиданно для себя поцеловал ей руку.

– Ладно, – смутилась и она. – Пойдёмте пить наш традиционный вечерний чай.

– Извините меня, я опять, кажется, погорячился...

– Нет, нет! Не кляните себя. Эмоциональное сострадание – вполне человеческое чувство. А может быть, сегодня кофе?

– Можно и кофе, – бодро ответил я.

– Помните, одно лишь верно: Жизнь останется вовеки, она-то уж точно никуда не денется.

С. А. вдруг весело рассмеялась. Я удивлённо на неё взглянул.

– Я вспомнила один забавный эпизод. В Комарово, где жила Анна Андреевна Ахматова, приезжает её внучка по мужу и с порога сразу говорит: «А нам в школе сказали, что Бога нет». И Анна Андреевна, точнее, актриса, которая её играла, отвечает густым таким, низким голосом: «А куда же он делся?» Чудесно, не правда ли?

Ах, какой это был тёплый, милый вечер! С. А. была, что называется, «в ударе». Она много шутила, вспоминая свои встречи с разными, в основном очень талантливыми, судя даже по рассказам, людьми, хотя большей частью, по своей привычке, старалась не называть имён. Я смеялся, радовался, проникался атмосферой легко рождающегося, искреннего, доверительного взаимопонимания и общения, тогда ещё не отдавая себе отчёта, почему, как и, главное, с помощью кого всё это происходит. И никаких особых предчувствий у меня не было тоже, как бы мне ни хотелось задним числом их всё-таки иметь.

Вернувшись домой, полный впечатлений, я даже не потрудился хоть что-либо записать. Позже, когда я захотел вспомнить эту встречу, у меня в памяти всплывала чаще всего одна история про Фолкнера, подрядившегося после войны в Голливуд из-за нужды писать сценарии по чужим произведениям. Когда ему заказали сценарий по роману Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и попросили сделать счастливый конец («Happy end», как там было принято), он (т. е. Фолкнер) тотчас ответил: «Хорошо. Я напишу, что победила Германия», – и ушёл. Навсегда. И это при том, что Фолкнер испытывал творческую ревность к Ремарку.

– Желаящих переписать историю и сейчас хоть отбавляй, – заметил я.

– «Что было, то и будет», и «нет ничего нового под солнцем», лишь «суета сует и томление духа»...

Здесь я должен сделать одно небольшое отступление относительно одиночества и книжного общения Софьи Алексеевны. Довольно скоро я узнал, какую динамичную, наполненную жизнь, даже в нашем понимании, вела она все эти годы: она летала по всей нашей громадной стране и за рубеж, выполняя заказы на оформление костюмов в театрах, как скромных, провинциальных, так и прославленных, лучших, мировых; вела мастер-классы, читала лекции по очень широкой проблематике на трёх или даже пяти языках, т. к. получила ещё пару дипломов и множество сертификатов, кроме Академии Художеств; писала статьи и книги по истории театральных костюмов и ещё о чём-то (я не запомнил); устраивала (с помощниками, наверное) балы и маскарады в театрах и творческих клубах, многолюдные праздничные застолья у себя дома; участвовала в работе благотворительных организаций, получала многочисленные награды и призы в разных странах... Список, который мне показали, был ещё длиннее.

Множество замечательных людей нашего города, Санкт-Петербурга, и не только, считали за честь быть знакомыми с нею. Впоследствии те её родственники и друзья, с которыми мне пришлось общаться, единодушно утверждали, что она почти ничего не говорила о себе, тем более такого, что могло бы выглядеть нескромно с её точки зрения, никогда не жаловалась,

не оповещала окружающих о своих бедах и печалях. Кое-кто даже цитировал её любимое выражение: «Есть вещи, которые не только говорить, слушать даже неприлично». Она всегда была мила, доброжелательна, внимательна ко всем людям, и, что особенно трогательно, вообще ко всему живому, а живым она воспринимала весь мир. Тут уж и я свидетель.

Во время недолгого периода, когда мы с ней общались, никто больше в округе не приходил к ней в дом. Поэтому, наверное, я и сделал ложное предположение о её добровольном уединении. А оно было лишь одним из этапов, небольшим эпизодом её насыщенной, богатой событиями жизни, а может быть, и одной из новых жизней, достигнутых в процессе «САМОПРЕВОСХОЖДЕНИЯ».

Она любила это слово и то, что в него может быть вложено. Не случайно оно оказалось вынесено и в заголовок моих записок.

Уже тогда, во время встреч с С. А., я начал догадываться: понятие самопревосхождения настолько глубоко и сложноорганизованно, что каждый, кто решается войти в процесс, названный этим словом, должен, по крайней мере, осознавать, какой долгий путь ему предстоит. Однако уже сейчас я могу с уверенностью повторить за теми, кто думал и действовал в этом направлении, что само явление самопревосхождения имеет глубокие корни, оно вырастает из сложившейся за многие тысячелетия (начиная со времён священных писаний и доктрин древнего мира – вплоть до наших дней) научной системы взглядов и интуитивных прозрений о громадном потенциале человеческих сил и способностей к развитию и саморазвитию, о почти безграничных возможностях человеческого духа, даже если люди не всегда в состоянии чётко сформулировать эти идеи. Тема «жизненного избытка», дарованного человеку, а значит, и возможность выхода его за пределы изначально заданного круга самоотождествления, как бы в ходе соревнования с самим собой, ведущего к обретению истинной целостности, т. е. пониманию необходимости и возможности собирания самого себя из хаоса бытия, – эта тема выдающихся творений философии, религии, искусства настойчиво прослеживается на протяжении всей истории человечества. При этом всегда подчёркиваются главные смыслы открытия способности человека к самопреобразованию и самопревосхождению, которые связаны с осознанием своей собственной неповторимости, уникальности, собственных необозримых возможностей, порой непробуждённых, но реально существующих и «открытых» уже в первые годы жизни ребёнка. Человек наделён свободой так наполнять, одухотворять, изменять мир и себя в этом мире, таким образом нести за это ответственность, чтобы достойно исполнить «общее дело» и сократить расстояние между Человеком и Богочеловеком.

Но здесь я уже вступаю на территорию, которую мне ещё только предстояло освоить в дальнейшем.

Как-то в начале марта мне позвонил приятель, по совместительству – коллега, и стал настаивать на том, чтобы я приехал на работу, где происходят, как он выразился, «грандиозные события по перезагрузке». Поняв, что я почему-то «не врубаюсь» в ситуацию, он стал приводить «весьма соблазнительные», на его взгляд, аргументы, в частности, то, что меня могут назначить веб-дизайнером, о чём я «давно мечтал», – подчеркнул он. Так как я по-прежнему не выразил энтузиазма, он сказал, что не поленился и приедет за мной сам, и тогда уж точно сможет убедить меня в необходимости «личного присутствия при смене руководства и ведущих линий развития нашей фирмы». И он, действительно, приехал.

Сначала я активно, потом всё более вяло сопротивлялся, а в конце встречи и «вовсе дал слабинку», – заметил, ухмыляясь, приятель и позволил себя увезти, благо машина стояла перед домом с невыключенным мотором. Я попытался ещё настоять на том, чтобы попрощаться с С. А. («Соседкой? – спросил он. – Зачем? Ты же скоро вернёшься»). О, как же я потом сожалел, что уехал, даже не зайдя к С. А., что городские деловые хлопоты оторвали меня от деревни (так я называл наш посёлок) почти на месяц, и какой месяц!

Дорога нам предстояла долгая, и я попытался кое-что объяснить своему приятелю из того, что так занимало меня последнее время. Не знаю, насколько связно, но несомненно горячо, я говорил о том, что человек, какой он есть сейчас, ни в коей мере не является завершённым существом, что до сих пор нет убедительных доказательств его неоспоримой физической или умственной эволюции, что «естественный отбор» по Дарвину – это вялотекущий процесс с неизвестным, а возможно, и отрицательным результатом, одновременно происходящий с «неестественным отбором», который как раз идёт быстро и страшно в нашем безумном апокалиптическом мире, что «раскачивание» информационной асимметрии человеческого разума резко увеличивает отставание «общественного интеллекта от требований, предъявляемых к его качеству со стороны бытия», и что поэтому возникают «чёрные дыры» познания, в которых исчезают, казалось бы, незыблемые человеческие ценности...

– Следовательно, – продолжал я, – остаётся лишь два сценария дальнейшего хода: либо – гибель, распад, хаос, либо – выход из беспорядка на иной уровень порядка и сотворение нового мира из хаоса.

Приятель посматривал на меня с любопытством и даже, казалось, сочувствием:

– Ты где этому научился?

– В деревне.

– Да, – он задумчиво покивал головой. – Сложный диагноз.

– Не дури! – отмахнулся я.

– Легко сказать...

– И всё-таки сказать надо! Заблокированная мысль может остановить...

– Стоп! Хватит! Сейчас ты договоришься до того, что мы, с этими «смысловыми воронками», обречены вымирать как гедонистическая, эгоистическая цивилизация! Напугай ещё «концом света» и...

– Да ничего подобного! – возмутился я. – Позитивный сценарий имеет ничуть не меньше шансов, нежели негативный. Нужно лишь грамотно использовать свою потрясающе адаптивную, вероятностную систему организма и его способность к гибкому изменению жёстких схем реагирования, – если тебе так понятнее, и всё будет ОК.

– Понятно. Всё ОК, – как будто успокаивая меня, с готовностью согласился приятель и перешёл сразу, без перерыва, «к обзору местных новостей», как он выразился.

– Что? – Тебе? – Понятно? – взвился я. – Ты вообще этого не мог нигде слышать.

– Почему же? – невозмутимо откликнулся приятель и опять сочувственно посмотрел на меня.

– Да потому, что мы с тобой говорим только о железках, женщинах и курсах валют. А-а-а! – я отмахнулся двумя руками и замолчал. Приятель, напротив, очень оживился:

– Ну, зачем же так? Можно кликнуть мышкой, и Википедия выложит тебе всё, что пожелаешь. А?

Я молчал.

– Да понял, понял я! – воскликнул он вдруг. – «Подумаешь, бином Ньютона!»! «Просветлённые», «Закат цивилизации», «Я знаю, что ничего не знаю», «Открытие “Я”»... Ты опоздал, старик, эта мода уже прошла.

Я не удержался и опять попытался возразить:

– При чём здесь мода? – но он меня уже не слушал, а говорил сам.

– Сейчас на первом месте снова «западники» и «славянофилы», «православие, католичество и ислам», «террористы и мигранты», кто мы? – скифы-азиаты «с раскосыми и жадными глазами» или носители «всепримирающей идеи» и «мировой соборности», а над всем этим – чёрный флаг с надписью «money-money»!

Я обратил внимание, как привычно и ловко приятель уводит меня в сторону к готовности поверхностно отзываться на всякую мысль, не вникая в её суть, к расхожему, лёгкому перебрасыванию мячей-реплик, ничего не значащих фраз, не потому даже, что они все неверны, а потому, что они чаще всего тут же искажаются, а, главное, не проживаются лично, оставаясь просто игрой слов, привычным способом «поддержания разговора». Однако сквозь его равнодушную насмешливость просвечивали не просто напор или агрессивность, но, как ни странно, и обида. Он произносил слова вроде бы скучающим тоном, не настаивая и даже как будто не желая, чтобы им верили, но не переставая при этом наступать на меня.

– А для просветлённого ты что-то слишком агрессивен, – перебросил он мне по привычке свой же «мячик-состояние». – Вроде бы знание даётся одновременно с духовным прозрением? «Ась?» Я прав?

Конечно, он, как всегда, передёргивал, но сейчас мне не хотелось в этом участвовать и даже впервые стало неловко, что я так некстати откровенен и горяч. Я отвернулся и сказал:

– Прости. Сорвалось. Я сейчас не в лучшей форме, ты знаешь, хотя, конечно, это не причина...

– Зачем ты так много думаешь? «Кто умножает познания, умножает и скорбь». За разговорами о смысле жизни можно и жизнь про... потерять, – с самодовольной ухмылкой вещал приятель.

«Опять подмена», – с тоской подумал я, но вслух уже ничего не сказал.

– Ладно, расслабься, – он почти добродушно кивнул и включил музыку, кстати, неплохую.

Мы надолго замолчали, и я был благодарен ему за это. Однако на душе было по-прежнему тревожно, беспокойно. Тогда я не мог связать концы с концами. «Не из-за этой же глупой перепалки? Не изза этой... А из-за чего же?» – спросил я себя, но ответа не было...

Когда мы уже подъезжали к городу, приятель, не глядя на меня, неожиданно сказал:

– А в общем-то, ты прав, старина. Информация ещё не есть знание.

Я с интересом посмотрел на него:

– Ты что, тоже интересовался всем этим?

– Было дело. И тоже на сломе, как и ты. Потом как-то всё обычное наладилось, а необычное куда-то ушло.

– Изменил себе?

– Ну да, – хохотнул приятель. – Это привычней. Поэтому, наверное, нас всех и обозвал популярный писатель «биомассой». Всё!

Приехали. Просыпайся, Диана. А тебя я завтра жду в конторе.

Приятель уехал, а я стоял с Дианой и думал о том, что большинство главных вопросов не имеет ответов, но решать их всё равно надо.

Когда через несколько недель я появился в родительском доме, благополучно решив свои производственные проблемы и в приподнятом настроении, я был поражён, как сдержанно, почти равнодушно встретила меня мама. Раньше я, может быть, и не обратил бы на это внимания, но сейчас ясно ощущал, что она грустна, рассеянна, погружена в свои думы, и думы эти вовсе не светлые.

После того, что со мной произошло в деревне, я был полон самых радужных впечатлений, и мне не терпелось её о многом расспросить, но я не знал, с чего лучше начать. Обычно мама улавливала моё настроение и сама помогала сделать первые шаги. Сейчас она молчала, отвернувшись к окну, как будто забыв о моём присутствии. Молчал и я. В результате у нас получился довольно странный разговор.

– Мама, – спросил я наконец, глядя ей в спину. – Почему ты мне никогда ничего не рассказывала о Софье Алексеевне?

– А должна? – равнодушно, не оборачиваясь, откликнулась мама.

– Ну, её дочь была, как я теперь понимаю, твоя лучшая подруга?

– Да, она была моя (мама выделила это слово) лучшая подруга.

При чём здесь ты?

Я решил не обижаться: чему-то ведь меня Софья Алексеевна научила! – и поменять вопрос на утверждение:

– Ты часто виделась с Софьей Алексеевной.

– И что?

Я всё-таки слегка обиделся и сказал первое, что пришло в голову:

– А то, что мне, например, интересно, откуда она так хорошо знает, как обучали дворянских девушек в Смольном институте!

– Софья Алексеевна была урождённая княгиня Берестова и, соответственно,...

Мама даже не стала дальше продолжать, а я был потрясён.

– Как княгиня? Но почему, почему я об этом ничего не знаю?

Значит, и Аська, т. е. Анна-Мария, – княжна?

Мама резко повернулась ко мне. На её лице была усмешка. Глаза смотрели холодно.

– «Не совсем», как обозначают у вас в ответах ЕГЭ, «местами», ведь был ещё дед, отец...

И вдруг она неожиданно накинулась на меня, от равнодушного тона не осталось и следа:

– Ты что? Действительно ничего не помнишь? Или делаешь вид? А как она вас с Асей водила на концерты в филармонию и театральные кружки, как шила вам с ней роскошные костюмы к детским утренникам, как возила к морю? Вы же столько лет дразнили с мальчишками:

У княжны у Аськи

Губы как у Васьки...

А девочка только выше поднимала голову и никогда, никогда не плакала, не жаловалась и не отвечала. «Don't explain, don't excuse». Я опустил голову и, закрыв её руками, пробормотал:

...Губы их не дуры —

Любят сливки с курой...

– Ну вот, вспомнил. – Мама уже спокойно, но по-прежнему строго смотрела на меня. Потом потрепала по голове и сказала:

– Ну-ну, не тушуйся так, дурашка, никто из этого уже давно не делает драмы. Да, «из бывших», и что? Скажи ещё: «Ваше сиятельство!» – засмеют.

Я помотал головой, со стыдом вспоминая, как нелепо вёл себя с Софьей Алексеевной; как часто небрежно, почти свысока разговаривал с Асей в те редкие минуты, когда мы пересекались в нашем доме, и не заметил, как стал раскачиваться и, кажется, мычать.

– Это ещё что такое? – осадила меня мама, но я её не слушал.

– Всё! Надо ехать немедленно! Извиниться, просить прощения...

– Извинять себя не стоит, – машинально поправила меня мама. – Давай, кланяйся: «Пожалуйста ручку!» Щёлкни каблуком и громко крикни: «Честь имею!» Откуда ты набрался опереточных манер? «Графиня изменившимся лицом бежит пруду»... – Мама! Что ты несёшь?

– Это – классика.

– Ты не понимаешь, я должен...

– Должен. – Мама вдруг стала очень серьёзной и твёрдо отчеканила:

– Но. Никуда. Ты. Не поедешь!

– Почему?!

Она опять быстро отошла к окну, отвернулась от меня, достала платок и стала прикладывать его к глазам. – Сонечка умерла...

...Не знаю, через какое время я очнулся. Мама всё так же стояла у окна и плакала. Я подошёл к ней, обнял за плечи и прижался к ним щекой.

– Ты её очень любила?

Мама повернула ко мне своё такое родное, такое милое, заплаканное лицо с припухшими губами:

– Почему «любила»? Я и сейчас её люблю, и буду любить всегда. Она нас всех вырастила – и меня, и Верочку, и вас с Асей.

Мы немного постояли рядом, молча. Потом мама осторожно освободила плечи из моих рук, выпрямилась, как струнка, подошла к зеркалу и стала приводить себя в порядок. Я, не отрываясь, смотрел на неё, мало что понимая, а потом вдруг заметил, что думаю о том, как ей идёт это чёрное платье и как хороша её головка с гладко зачёсанными и собранными назад в большой узел тёмными волосами.

– Мама! Ты красавица.

Она не могла не улыбнуться, но улыбка получилась грустной и быстро пропала.

– Ты останешься здесь. Постарайся примирить Еву с Дианой.

– Значит, Ева здесь?

– А где же ей быть? Ася приехала и снова скоро уедет. Бедная девочка, теперь она «круглая сирота».

И в ту же секунду в проёме между комнатами появилась Ева и села на пороге, аккуратно поставив перед собой передние лапы, изящно обвив их своим пушистым хвостом, и стала смотреть на меня, не мигая. С другой стороны неслышно вошла Диана и не менее изящно села рядом со мной.

– Ну вот, – сказала мама, – они всё понимают лучше нас, – и ушла в прихожую одеваться. Я было пошёл за ней, но она махнула рукой, заставляя меня остаться. Я вернулся, лёг на диван, и Ева сразу устроилась у меня на груди, но сегодня она молчала и не пела своих загадочных песен. Диана расположилась на коврик рядом с диваном, уткнув свою голову мне в плечо. Я чувствовал, мы вместе были как одно целое.

...Мама пришла поздно, протянула мне запечатанный пакет.

– Здесь ключи от загородного дома Софьи Алексеевны, если ты захочешь туда зайти.

– Я-то, конечно, захочу.

Внутри пакета был конверт, а в нём листок гербовой бумаги, на котором чётким почерком от руки было написано:

Дорогой Ника!

Вы чрезвычайно меня обяжете, если заглянете в мой дом в любое удобное для вас время и выберете что-либо, что вам понравится, – на память. Пожалуйста, не стесняйтесь себя и поверьте, мне это будет очень приятно.

Приношу свои извинения за то, что не успела сделать этого раньше.

Искренне ваша С. А.

Это было первое настоящее письмо, которое я получил в своей жизни. Даты не было.

Уже на следующий день я стоял перед домом Софьи Алексеевны с ключами, ещё не смея сразу войти. Потом решился. Дверь легко отворилась. Внутри было пустынно, тихо, холодно и очень красиво. Все вещи застыли на своих местах, как будто зная и ожидая, что их разбудят. Я принёс дрова, растопил печь и, не раздеваясь, долго сидел, глядя на огонь, ни о чём не думая. Потом понял, что всё-таки думаю: о вещах вокруг как о живых существах, о том, что если научиться смотреть на них долго и попытаться понять, то можно услышать их тихое дыхание и то, как они тебя слушают, прежде чем с тобой заговорят, и ты сольёшься, например, с этой безмолвной бронзовой вазой или портретом, вас ничто не станет разделять, и, может быть, ты даже почувствуешь что-то ещё, должно быть, душу самого творения...

Дом быстро и охотно наполнялся теплом, постепенно оживая. Я снял куртку, поднялся на второй этаж в мастерскую, откинул тяжёлую портьеру и вошёл. На подрамнике в центре стоял портрет девушки, очень похожей на Софью Алексеевну, как я её представлял себе в юности: те же синие глаза, те же густые волосы, только без седины, отливающие насыщенным каштановым цветом, были заплетены в длинную косу. Портрет был удивительно хорош, особенно по контрасту с окружающим пейзажем: за окном – ранняя, слякотная, пасмурная петербургская весна, а на картине – буйное цветение красок лета. Девушка сидела на низенькой скамеечке в саду под деревом, естественно освещённая ярким полуденным солнцем. Лучи пробирались к земле и человеку сквозь вязь листьев и веток, по пути обогащаясь замысловатым рисунком теней. Девушка смотрела прямо на меня.

Глаза её сияли, губы вот-вот готовы были раскрыться в радостной улыбке, и вся её тонкая, гибкая фигурка, и даже эта цветастая летняя юбка, широко раскинутая по траве, были полны ощущения такой непреходящей, никогда не заканчивающейся жизни, что, мне показалось, я даже тихо застонал от бессилия и невозможности что-либо изменить или вернуть назад. И в это мгновение я почувствовал лёгкое движение у себя за спиной, обернулся и увидел Диану, которую оставил во дворе, а рядом с нею Асю. Я сразу её узнал, более того, сразу понял, что на портрете изображена именно она, а не Софья Алексеевна, хотя её современный молодёжный «прикид» был совсем не похож на тот, что изображён на картине, а волосы, перетянутые на лбу узким ремешком из тонкой кожи с орнаментом, не были заплетены в косу, но свободно распущены по плечам.

– Привет, – сказала она спокойным, негромким голосом, почти как у Софьи Алексеевны. – Тоже разгадываешь «Тайну»? Тогда это надолго.

– Ася... – Я встал, не зная ещё, как себя с ней вести. – Вижу, вы подружились, – кивнул я в сторону Дианы.

– Легко, – согласилась Ася.

Я чувствовал себя неловко, как чужой человек в чужом доме, неизвестно, на каких основаниях оказавшийся здесь. Наверное, поэтому я машинально вынул письмо Софьи Алексеевны и протянул его Асе.

Она лишь мельком взглянула на конверт и строго спросила:

– Ты хочешь, чтобы я прочла... чужое письмо?

– Да.

Она как-то очень быстро пробежала глазами по листку, вложила снова в конверт, очаровательно улыбнулась и вернула его мне:

– Так ты уже выбрал здесь что-нибудь?

– Нет...

– Ну, время есть.

Ася легко двигалась по мастерской, перебирая, рассматривая, поглаживая, как бы лаская, предметы.

– А можно я буду просто приходить сюда и... – я запнулся.

– И что? – Ася чуть насмешливо поглядывала на меня, продолжая неслышно ходить, что-то переставлять, направлять, раздвигать, так что вскоре помещение, не знаю, каким образом, сделалось обжитым и уютным.

– Читать, например...

– As you please. А если ещё будешь и протапливать дом, то совсем прекрасно.

Она развернулась и близко подошла ко мне. Ася была очень тонкая и почти такая же высокая, как я. Она пристально, не мигая («как Ева», – подумал я) посмотрела мне в глаза, как будто что-то проверяя перед тем, как сделать решительный шаг, и вдруг сказала:

– Пойдём, выпьем...

Я даже вздрогнул от неожиданности.

– ...помянем Сонечку.

Мы все трое, вместе с Дианой, спустились в гостиную. Ася похозяйски (хотя, что я говорю, она была и есть здесь самая настоящая хозяйка) открыла бар, достала бокалы и предложила мне самому выбрать, что я буду пить. Выбор, надо сказать, был большой. Ася уверенно, почти не глядя, взяла какую-то бутылочку и плеснула себе в бокал, а я немного застрял, разглядывая этикетки. Потом мы молча, не чокаясь, как и положено у нас, выпили: я – «за Софью Алексеевну», она – «за Сонечку», – и сели.

Я по-прежнему чувствовал себя неловко, решая, сразу уйти или лучше всё же подождать и попытаться наладить хоть какой-то контакт. Ася задумчиво смотрела прямо перед собой, похоже, совсем забыв о моём присутствии.

– Знаешь, – неуверенно начал говорить я, – последний раз, когда мы встречались с Софьей Алексеевной, она была так весела и оживлённа, ничто, казалось, не предвещало... – я опять запнулся и замолчал.

Ася, вежливо улыбаясь, но думая явно о чём-то другом, всётаки поддержала разговор.

– Да, она умела быть по-светски неотразимой и обворожительной, если хотела, разумеется. Не зря ведь её воспитывала самая настоящая «Смолянка». Но! – она подняла выразительно ладонь вверх. – Заметить, что у неё на душе на самом деле, не смог бы никто, так что не комплексуй понапрасну, – бодро закончила Ася и снова прямо и твёрдо посмотрела мне в глаза. Я отвернулся.

– Я хочу, – ясно произнесла она, – сделать тебе важное предложение. – Она помолчала. – Начни писать книгу.

– О чём? – машинально откликнулся я, погружённый в свои воспоминания.

– О самопревосхождении, конечно.

Сначала я даже не понял, правильно ли её расслышал, потом не поверил тому, что услышал, потом – вскочил, замахал руками и, кажется, забыл о своей неловкости:

– Это невозможно! Ты соображаешь, что говоришь? Да я ничего в жизни не писал, кроме SMS и пояснений к компьютерным программам!

– Это неважно. Послушай меня. Послушай! – повторяла она, потому что я бегал по комнате, отчаянно жестикулируя и произнося какие-то междометия.

– Ты так разволновался, будто сам думал об этом, но не решался признаться.

Ася уже откровенно насмешливо смотрела на меня, сложив руки у груди.

У тебя разыгралось воображение, – буркнул я.

– Воображение здесь не при чём. – Ася спокойно наблюдала за моими передвижениями, пока я не остановился и произнёс:

– Закроем тему.

– Не вопрос. Только это не моё предложение, вернее, не только моё, а ещё и Сонечкино.

– Софья Алексеевна... так пожелала? Но зачем?

Ася стала отчётливо произносить фразы, делая ударения в определённых местах:

– Она сказала, у тебя сейчас довольно редкое сочетание состояний: взволнованной готовности и искренней восприимчивости. К тому же, нервы напряжены из-за кризиса, ты не равнодушен, в том числе, и к новому знанию, поэтому быстро движешься, поглощаешь, перерабатываешь информацию...

– У тебя получается, я её съедаю...

– Очень остроумно. Продолжим? Так что, описывая то, что думаешь и чувствуешь, step by step, уже в процессе написания ты сможешь, ко всеобщему удовлетворению всех участников, решить все ваши проблемы, а потом, если всё будет идти правильно и хорошо, уже и сам начнёшь получать удовольствие от этого процесса... раздумий. Может быть, даже раньше. Сонечка часто повторяла: обретение истины возможно, когда есть искреннее чувство к самому знанию и открытость ему же. Я бы ещё от себя добавила, что и её саму забывать негоже, не только потому, что она такая прекрасная... – Она-то прекрасна, – вздохнул я.

– Без комментариев, рыцарь, – откликнулась Ася и продолжила, – а потому, что в ней сосредоточились нити, пучки мыслей, текстов, чувств, энергий, если ты понимаешь, что я хочу сказать. В общем, они тоже не должны пропасть. Да и долги надо отдавать, – прибавила она со значением.

Ася облегчённо выдохнула, как бы исполнив самую трудную часть необходимой работы, и откинулась в кресле, изучающе глядя на меня. Я молча отошёл к окну. На улице уже не было так серо и пасмурно, день разгорался, и чувствовалось, что скоро появится нежное мартовское солнце.

– Да кому это нужно? – наконец хмуро проговорил я.

– Согласна. Мало кому. Так ведь это не рыночный заказ, где важен спрос, сбыт, прибыль и прочее. А если всё-таки выразаться на этом языке, то получается – «штучный товар для малого круга знатоков». На самом деле речь вообще не идёт ни о какой выгоде или материальной цели, тем более не о так называемой «элите» в современно-гламурном издании. Их просто не существует в данном случае.

– Это никому не нужно, – тупо повторил я.

– Это нужно тебе – для осознания себя. Мне – для того же самого и для радости, что кто-то стал... немного лучше и добрее, скажем пока так.

– Почему же «добрее»? – не понял я и повернулся к Асе.

– Потому что это будет дар Сонечке в память о том, что не напрасно она... бисер рассыпала.

– Говори уж прямо, «метала»!

– Не буду. Это неправда, а Сонечка с детства приучила меня не лгать, и теперь я просто физически не могу это делать, у меня слова буквально застревают в горле.

Ася тихо посмеивалась, но при этом так трогательно смотрела и прикладывала палец к губам, что, действительно, стала похожа на маленькую девочку.

– А почему ты сама не хочешь написать? – с опозданием сообразил я и с интересом взглянул на Асю.

– Пробовала. Не получилось.

– И что же у нас выходит? – уже уверенно сопротивлялся я. —

У тебя, человека с гуманитарным образованием, как я понимаю...

– ...несколькими дипломами высшего гуманитарного образования, – смеясь, вставила Ася.

– Ещё лучше! ...человека, всю жизнь прожившего с Сонечкой, – не получилось, а у меня, технаря, который и знаком-то был с ней без году неделю, – получится? Да?

Да. У тебя и для тебя сейчас открыты двери, так иногда бывает, – мило улыбнулась Ася.

– Скажи ещё «врата»...

– Можно и «врата». Кстати, они так же легко закрываются, как и открываются, если ты, например, поленишься и не купишь лотерейный билет.

– А это ещё что такое?

– Господи! Ты и этого не знаешь?

– Не знаю. Поэтому не могу и не хочу.

– Действительно не хочешь? – Ася уже без всякой насмешки серьёзно смотрела на меня. Я посоображал немного и ответил: «Ну, не знаю...», а сам поймал себя на мысли, что мне уже стало приятно сознавать, что она так искренне, энергично старается меня убедить.

– Так что там с лотерейным билетом?

Ася взяла свой бокал, где по-прежнему было немного вина, и взглядом предложила мне присоединиться.

– Слушай, неофит. Один мужик всё жаловался Богу, что Он его не любит, не отвечает на его мольбы, хотя он так старается ему угодить. «Хоть бы раз в лотерее помог мне выиграть», – просил он обиженно. Прошёл год, разыграли лотерею, и опять наш мужик без выигрыша. «Что же ты, Господи, я ведь так просил, и такую малость». «А ты бы купил хоть один лотерейный билет, горемыка», – ответил Бог.

– Понятно. Но Сонечка тебя бы не похвалила за эту... примитивную историю.

– А я не для неё, а для тебя старалась.

– Ну да, я – «невежда», «свинья», кто ещё?

– Перестань. Я вижу, женщины тебя избаловали.

Я удивлённо смотрел на Асю, но она только отмахнулась:

– Потом поймёшь. А сейчас лучше открывай ноутбук и начинай писать. Это и есть твой «лотерейный билет».

– Если бы всё было так просто...

– Ну, разве это не её слова? И они уже твои, заметь!

Солнце вышло из-за туч и мягко осветило всё вокруг. Старинные зеркала наполнились отблесками его косых лучей и в доме стало ещё красивее. Я подошёл к книжным полкам и стал, как недавно Ася в мастерской, поглаживать их кожаные, тиснённые золотом переплёты.

– Знаешь, я недавно рылся в старых журналах на нашей даче и прочитал любопытную статью. Один исследователь, этнограф, кажется, изучая какое-то племя, оказал, похоже, серьёз-

ную услугу некоему аборигену, и тот, в благодарность за спасение или что-то там ещё, пожелал поехать с ним в Канаду и жить у него в доме в качестве слуги.

– Ну да, кем же ещё, – тихо промолвила Ася.

– Учёный, естественно, наблюдал за ним, «дикарём в городе», за его реакциями на современные блага цивилизации, описывал всё это в своих научных журналах, получал, соответственно, гонорары, – словом, всё как обычно. «Дитя природы» (мне как-то неудобно называть его «дикарём», у него, например, оказалось развито такое чувство благодарности, какое не часто встретишь в наших собственных «джунглях»), – так вот, этот человек всё, что совершенно не умещалось в его сознание, например, видеопроигрыватель, кухонный комбайн, телевизор (получается, другой техники тогда ещё в употреблении у обывателей не было) – он не замечал вовсе, т. е. в упор не видел. Представляешь, картинка на экране движется, а он её – реально! – не видит. То же, что было на грани его понимания, например, водопровод, он мог часами, сутками, годами наблюдать, пытаясь разгадать: включал, выключал краны, смотрел, как течёт вода, как перестаёт течь, капает и т. д.

– Скажи, к чему ты мне это рассказываешь? – насторожённо спросила Ася.

– К тому, что и я, как этот дикарь, нахожусь лишь на грани понимания, не более того.

– Это не бесспорное утверждение, – возразила Ася и продолжила: – Я знаю эту историю, и журнал, и имя учёного.

– И ты молчала! Почему?

Потому что мне хотелось, понимаешь, хотелось услышать твою версию, и я её услышала. Ты рассказал эту историю совершенно иначе, чем там написано, по-своему, а то, что добавил с добродушной иронией, мимоходом некое наблюдение о благодарности и назвал аборигена «дитя природы», и вообще замечательно. Ты ещё не осознаёшь, но, можно сказать, уже начал писать, пока ещё в уме, будущую книгу, а скоро и сам заметишь, как начнёт «возрастать интенсивность мыслеобразов», насколько мощнее станет «собственный поток сознания».

– Это не мои слова.

– И не мои, Сонечкины, но они станут твоими. Помнишь, как она говорила: «Только собственный опыт, собственное переживание могут продвинуть вперёд». Судьба и случай тоже иногда помогают, но они непредсказуемы, слишком часто бывают капризны. Это последнее замечание тебе уже от меня, – лукаво глядя на меня, засмеялась Ася, став очень похожей на Софью Алексеевну и свой портрет одновременно.

Я немного расслабился и успокоился от её своеобразных похвал, но, главное, от её необычного, всё более окутывающего меня обаяния, но Ася вдруг резко изменила свою повадку, голос, легко, гибко, как красивый натренированный зверёк, одним движением встала со своего глубокого кресла и совсем другим тоном, почти равнодушно проговорила:

– А впрочем, поступай, как знаешь. Твой выбор.

Я замолчал. В голове бродили какие-то образы, никуда не исчезающие, неоконченные мысли. Как же о многом я не спросил Софью Алексеевну, а хотел... Она иногда намекала на что-то, я пропускал... Или говорила: «потом, в другой раз», а я забывал... И теперь другого раза не будет, и все главные, «вечные» вопросы останутся без ответа... Я не смогу их разрешить, но не смогу и перестать задавать их себе... «Что это за сила, которая всем управляет?..» И где я слышал уже эти слова?.. «Что такое жизнь и что есть смерть?..»

– Так далеко я бы на твоём месте сейчас не заглядывала, – ответила Ася, хотя я был совершенно уверен, что ни о чём не спрашивал её вслух. Но это почему-то совершенно меня не удивило.

Понимаешь, – продолжала она, – люди постоянно делают одну и ту же ошибку. Они ставят глобальные, общечеловеческие вопросы, относящиеся к целому миру, возмущаются его несовершенством и изобилием непобедимого, на их взгляд, Зла, искренне желают изменить этот мир, а им надо понять всего лишь простую вещь: сначала нужно решить проблемы внутри себя, чтобы двигаться вперёд, в том числе и во внешнем мире; стать способными хотя бы осмыслить часть истинного Знания, которое зашифровано и которое открывается человеку только по мере его прозрения, осознания самого себя, и уже на этой основе – осознания мира. Никак иначе.

– Кажется, я уже сомневаюсь, что что-то знаю...

– Так это же прекрасно! В добрый путь, искатель.

– А ты не хотела бы привести хоть один пример?

– As you please. Все знают, по крайней мере, думают, что знают – в основе всего лежит ЛЮБОВЬ. Все пьесы, романы, песни, кризисы и разочарования, львиная доля работы психологов и социальных педагогов, врачей и социальных работников – связаны с любовной сферой. Пока убедительно?

– Да.

– Тогда постарайся ответить на такой вопрос: почему, если Любовь пронизывает всё и всех, если она сверхценна и «сильна, как смерть», если от неё зависит счастье человека, то откуда так много несчастных людей?

Я, кажется, начал что-то понимать, но сам не мог сформулировать, а вспомнил слова Софьи Алексеевны из послания апостола Павла:

– «Любовь не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не мыслит зла...»

– И такая любовь, – подхватила Ася, – без собственничества и ревности, без эго и гордыни, – неизменно приводит к счастью, или даже благодати, что ещё выше. Только вот зародиться, «случиться» она может лишь внутри человека и с помощью его собственных усилий.

– Где же её такую найти? – печально отозвался я.

Об этом и речь...

– Ася! Скажи на милость, почему Софья Алексеевна была со мной на «вы»?

– Ты не помнишь, – утвердительно произнесла Ася, – когда мы с тобой встречались ещё в детском саду, она неизменно говорила: «Молодой человек, не могли бы ВЫ...», ну, и дальше что-нибудь, вроде – «подать мне перчатки» или «стакан воды».

Потом без перерыва добавила:

– Мне пора уезжать.

Однако, несмотря на этот новый, строгий тон, я теперь явственно ощущал, что отношения между нами изменились, и вовсе не в худшую сторону. Я уже не чувствовал себя неловким чужаком, случайно оказавшимся в её доме, скорее, возможным партнёром по «общему делу», поэтому почти уверенно произнёс:

– Может быть, мы вместе будем работать?

– Да я и не отказываюсь. Вот, возьми для начала.

Она порылась в письменном столе, достала планшет и протянула мне.

– Это мои «непричёсанные мысли». Можешь их использовать или не использовать, как захочешь. А вдруг что-то пригодится?

– Ты сомневаешься? – усмехнулся я.

Потом она нашла где-то ещё красиво оформленный подарочный буклет с отпечатанным текстом и тоже отдала мне. Я прочитал сначала про себя, потом вслух:

Посвящается моей любимой бабушке

Пора! Я вышла на дорогу,

Туда, где путь поэта серебром блестит,

Хочу продлить свою молитву Богу,

Услышать, как звезда с звездой говорит.

И ты услышь меня, небесное творенье, Настало время камни собирать.

Открой свой тайный мир, хотя бы на мгновенье, Чтоб я смогла его здесь воссоздать.

Наверное, в Искусстве Сотворенья

Есть сокровенный замысел Творца.

Его, быть может, Муза вдохновенья

Познать способна, и тогда гонца

Послать – тебе иль мне, или кому иному,

Идущему навстречу ей святому,

Философу, бродяге, да любому

С необщим выражением Лица,

Как сыну блудному, нашедшему Отца.

А.-М.

Я спокойно произнёс, пристально глядя на Асю:

– Я так не смогу.

– И не надо. Пиши прозу. Отступать тебе некуда.

Я промолчал и подумал: «Похоже, она права насчёт отступления». И мы заговорили о будущей книге, как о чём-то решённом именно для нас и ни для кого больше. Потом я спросил:

– И всё-таки, почему Сонечка сама не написала о самопревосхождении?

– Не знаю. Я говорила ей об этом и уговаривала тысячу раз: «Ну, Сонечка, ну хоть несколько страниц! Хочешь, я тебя запру, как Лао-Цзы на границе, и не выпущу, пока не напишешь свои нетленные строчки»... – И что?

– Как видишь. Без результата. Её уже нет, и книги тоже. О причинах могу только догадываться. Она-то сама их называла, и каждый раз разные, вовсе не связанные друг с другом!

Например?

– Пожалуйста. Она не считала слово своей стихией.

Ася увидела, что я готов возражать.

– Подожди! Я тоже не согласна, но у неё своя логика или антилогика – на выбор. Можешь себе представить, она мне говорила, например: «Я не уверена, что надо хранить какие-то слова. Они возникают и растворяются. Так и должно быть в природе». Или ещё краше: она была убеждена, что автором подобного текста обязательно должен быть мужчина, «мастер». Постой, я сейчас закончу. Конечно, она лукавила и знала об этом прекрасно, хотя бы потому, что мой Учитель, а её Большой Друг (друг с большой буквы), тоже ничего, кроме точно доказанных,

как $2 \times 2 = 4$, научных фактов, не печатает, да и не говорит, если честно, разве что таким исключением, как она сама. А они оба знают, вернее, «прозревают», ох, как много! И ведь есть другие, такие же, как они.

– Послушай, разве их надо учить правдолюбию и великодушию, убеждать, что скрывать открытия, согласитесь, господя, не совсем...

– По-моему, здесь что-то другое, – задумчиво сказала Ася. – Эти «шестидесятники» и «диссиденты», отчаянные, в общем-то, ребята, и они добыли-таки для нас свободу слова, печати и пр. А что получилось? Они же не слепые... Может быть, они считают, что ещё рано открывать... нам новое знание.

– Но ведь предсказать результат всё равно никто не мог, а не драться за идеалы, в которые они так поверили, они тоже не могли. Знали ведь, на что шли: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...» Зачем же так казнить себя?

– А они не себя, а нас казнят.

Ася тряхнула головой так, что её великолепные волосы взметнулись вокруг плеч, и «свернула» тему, как бы подводя итог:

– Сонечка под конец была уверена, и никто не смог бы её переубедить в том, что если она или кто другой так живёт, ощущает, тотально переживает нечто, тем более важное для других, – это уже существует в мире, никуда не исчезает, напишем мы об этом или нет, прочтёт кто-либо или пройдёт мимо. И это всё абсолютно справедливо. Она создавала свой особый мир и соприкасалась его, сопереживая, с Большим Миром вокруг. И она, как идеалист, верила, что так может каждый. Разве этого мало?! «Спаси себя, и вокруг тебя спасутся тысячи», ибо «Царство Божие внутри тебя».

В ответ я хотел вернуться к своим любимым вопросам: «Тогда зачем писать?» и «Кому это надо?», но Ася остановила меня раньше, чем я их произнёс.

– Это относится к таким, как она, но не к тебе и не ко мне.

Ася быстро двигалась по дому, стремительно всё вокруг прибирая, одновременно собирая себя в дорогу и разговаривая со мной. Я слушал, как она произносила, нанизывала слова – одно на другое, и мне казалось, что это говорю я сам, что это мои мысли и предложения.

– Всё! – воскликнула она, падая в кресло.

Рюкзак и дорожная сумка, упакованные, стояли рядом с ней.

– Присядем на дорожку, – сказала Ася и так лучезарно улыбнулась, что я снова вспомнил портрет, увидел наполненное счастливым ощущением жизни лицо в солнечном свете и почувствовал такой мощный прилив сил, что тотчас встал, расправил плечи и, кажется, впервые осознал свою ответственность за всё происходящее, в первую очередь за эту хрупкую девушку с портрета, как бы завещанную мне Софьей Алексеевной, – сестру, о которой я должен заботиться и которую должен защищать. Ася тоже встала, продолжая очаровательно улыбаться:

– Так-то лучше.

Я взял её вещи и мы вышли на крыльцо. Здесь она меня остановила, надела рюкзак на спину, сумку на плечо и пошла одна по дорожке к калитке.

– Как тебя найти? – крикнул я.

Она, не оборачиваясь, подняла в прощальном жесте руку вверх: – Я что-нибудь придумаю.

Мы с Дианой долго смотрели ей вслед, пока на фоне заходящего солнца не появилось у неё над головой облако синего цвета, быстро окутало и скрыло целиком. «Цвет индиго», – успел подумать я и в то же мгновение почувствовал у себя в руке какой-то предмет. Я разжал ладонь и увидел маленькую изящную пирамидку из оникса.

– Это ты мне принесла? – спросил я Диану. Она преданно смотрела своими умными глазами, такого же цвета, как пирамида, но ничего не отвечала.

– Хорошо, – согласился я. – Пусть будет ещё одна тайна.

Мы вернулись в дом. Он был тёплый, сказочно красивый и почти родной. Со всех сторон на нас смотрели с потемневших от времени картин и икон ещё ясно различимые в наступающих сумерках торжественно-благородные лица и лики, безмолвно, только своей сохранностью и запечатлённой выразительностью словно доказывая, что можно надеяться и жить иначе, нежели в мире за пределами их времени и пространства, как будто приглашая и меня присоединиться к пониманию жизни, которое они своей таинственной силой из века в век передавали и передают нам.

Я медленно зажигал свечи, стоящие повсюду, и во мне бродили мысли и образы о тайне самопревосхождения, и я понимал, что это самое главное, что мне предстоит сделать в расступающемся передо мной времени, – создать текст – из отдельных слов, фраз, картинок-воспоминаний и размышлений, – текст, который я ещё не мог представить, но чувствовал, как он зарождается во мне, и ощущал его как ДАР, завещанный мне Софьей Алексеевной.

Послесловие читателя.

Я нашел эту рукопись 19 декабря 20...г. в день Святителя Николая Чудотворца или Николы Зимнего, как сказал мне чудаковато-интеллигентного вида пенсионер, которого я подвёз по дороге к себе домой, на Каменноостровский проспект. Не успел я закрыть за ним дверь, как увидел под сидением ЕЁ и протянул своему случайному пассажиру:

– Вы забыли...

– Нет, нет, я не курю!

– Но это не зажигалка, а флэшка, – сказал я.

– Тем более, – ответил он и опять стал рассыпаться в благодарностях за то, что я не взял с него денег.

«Ну, ботаник,» – усмехнулся я, отъезжая и перебирая в памяти наш разговор с забавным старичком. Дело в том, что меня тоже зовут Николай, но я впервые и только от него узнал, почему меня так называли. Оказывается, по православной традиции, ребёнку при крещении даётся имя того Святого, чей день Ангела приходится на время, наиболее близкое ко дню его рождения, а так как я родился именно 19 декабря и, думаю, что был всё-таки крещён, то: «Сам Бог велел, – сказал мой собеседник, – носить вам это чудное имя».

Дома меня ждал праздничный ужин, и я забыл о флэшке, машинально бросив её в карман. На следующий день был выходной, воскресенье. Я встал поздно. В доме было уже прибрано после нашего «мальчишника» (соседка, которую я нанимаю для таких случаев, знала своё дело), тихо, светло. «Мороз и солнце, день чудесный...» – пританцовывал я, обтираясь после контрастного душа, включая кофемолку, со вкусом просматривая, что мне было приготовлено на завтрак, и вдруг вспомнил о своей вчерашней находке. Я решил посмотреть, нет ли на ней каких-либо «опознавательных знаков» владельца, и включил компьютер. Когда на экране появились первые надписи: «Ника Смирнов. Самопревосхождение», – я даже вздрогнул, – ведь именно это слово несколько раз прозвучало в разговоре с моим случайным попутчиком, и именно так, как меня, или почти так зовут автора текста, который уже начал высветиваться на экране. Я, конечно, его прочёл. Я был как раз тот самый читатель, который не только не бросил его, дойдя до слов «сознание» и «самоосознание», но был совершенно им увлечён.

Когда я закончил чтение, в голове бродили разные «приятные во всех отношениях» мысли, а какая была улыбка на лице, дурацкая или блаженная, не знаю, я себя со стороны не видел. Вот такой тебе, Никола, подарок нарисовался ко дню рождения и дню Ангела. Одновременно. Теперь-то я знаю, что они у меня совпадают, – думал я. – А мама Ники очень напоминает нашего препода по английскому в Универе. Когда перед аудиторией раздавался стук её каблучков, наши мужички все подтягивались, а девицы ревниво начинали смотреть на себя в зеркальца. Она была хороша, действительно, с этой гладкой, на прямой пробор причёской, переходящей в тяжёлый узел на затылке, всегда элегантная, строгая, в меру насмешливая... На чистом английском языке, полученном явно от его носителей, она умела не просто говорить, но и шутить. Класс! Как он там сказал? «Beautiful people». Точно. С княгиней не пересекался, врать не буду даже себе. Да и не мог! Шансов никаких. Возраст не тот, а главное, статус другой. Хотя, говорят, чем выше происхождение, тем проще человек, в смысле так называемой «высокой простоты»... Судя по описанию, у С. А. она есть, т. е. была. К сожалению...

Зато в княжну Мери я влюбился сразу, разумеется, безнадежно, как Грушницкий, но без всех этих интриг, выстрелов и пр. Я бы просто хотел носить ей цветы и, может быть, когда-нибудь написать..., например, оду, подражая всем подряд – от Петрарки до Бродского. А что? Надо попробовать... Размечтался! Завис! – резко оборвал я себя, встал и подошёл к компу – посмотреть, не пришла ли почта. Я уже успел поместить краткое объявление в Сети: «Найдена рукопись

Н. Смирнова “Самопревосхождение”. Обращаться по адресу:…» Никакого ответа.

Я очень хотел познакомиться с Никой. Сам процесс его поиска вызывал во мне отклик. Я чувствовал, был уверен, уже те смыслы, что были заложены в текст, тем более в подтекст, – требуют дополнительного обдумывания, обсуждения, желательно, обмена мыслями, т. е. живого общения. А ведь ещё должна быть, как минимум, вторая часть!

Теперь надо было думать о том, как найти его, судя по всему, парня ненамного старше меня, с моей вышки – единомышленника. Как это будет смотреться с его стороны, не знаю. В любом случае, я хотя бы должен вернуть ему то, что принадлежит по праву. Поэтому: «предлагаю автору текста откликнуться в любой форме и в любое время.

Мои координаты те же: kamerton12@mail.ru».

*

Часть вторая

От Николая Север-Романова

Незадолго до Рождества, почти сразу после Нового года, пришло долгожданное и всё равно неожиданное сообщение от автора. Ника Смирнов назначал мне свидание на Невском проспекте в кафе напротив Думы в два часа дня. В половине второго я уже был на месте, чувствуя себя растерянным и собранным одновременно. Дело в том, что пару недель назад, не получив ответа на объявление о найденной рукописи, я, по совету своих подружек, выложил полный текст «Самопревосхождения» на сайт «Проза.ру». Естественно, там потребовались личные данные от заявителя, и я, недолго думая, обозначил свои, сочинил оригинальный, по моим понятиям, пароль и стал с любопытством ждать реакции. И она последовала! – Но только не от автора и не от его героев, которые, как он написал, а я поверил, действительно «существовали на белом свете», – а от читателей. Особенно мне понравились первые рецензии (я заглянул на странички их составителей), и вот почему… Но нет, об этом я стал размышлять гораздо позже, и, если получится, как-нибудь опишу подробнее в другом месте. Это интересно!

А пока мы просто забавлялись новой игрой, вроде безобидной авантюры. Так нам представлялась эта история, по крайней мере, тогда, тем более, что текст прочли несколько человек из моих близких знакомых, он им реально понравился («не всё же слушать плохие новости!»), и они закричали в голос: «Пусть реорле-ы тоже возрадуются!», «Надо же, типа, делиться» и т. п. Кто-то, правда, заметил, что неплохо бы, по делу, спросить у автора, но его хором перебили: «Не тупи! Автору, всяко, не повредит!»; «Мы же ему бесплатную рекламу погнали, непонятки, что ли?» – и всё в таком духе.

Тогда меня ещё не очень коробил наш молодёжный жаргон, хотя собранные в одном месте подобные выражения, согласен, выглядят довольно удручающе, а тогда я, наверное, просто к ним привык, даже как будто забыв, что воспитывался в так называемой «хорошей семье», учился в школе «с углублённым изучением иностранных языков», в институте – на архитектурном факультете, – и везде были образованные, интеллигентные люди, среди которых знание классической литературы считалось достоинством (а не «пургой»), а умение и желание читать стихи – дополнительным «бонусом» («ну вот, опять скатился!»). Да ведь совсем недавно я и

сам гордился, что знаю наизусть всего «Евгения Онегина» и кое-что ещё. Неважно, что у меня природа такая – запоминать: знал и до сих пор знаю! – Это факт.

Так когда же всё это пропало? И «куда вы удалились, ...золотые дни»? Память услужливо предоставляла всё новые картины и строчки, и вот уже: «...воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток; и с отвращением читая жизнь мою...» Нет, я не стал их смывать, но и дочитывать тоже.

Сейчас, когда я пишу эти заметки, возможно, к будущим «мемуарам молодого человека» (допускаю, непривычное для слуха словосочетание, но пусть останется пока так), – я стараюсь не забывать, что меня в своё время неплохо обучили владеть нашим «великим и могучим», ещё до встречи с Никой, а уж после прочтения рукописи, которая меня заразила своей ясной и доступной простотой, я даже не удивился, когда понял, что знаю и этот текст почти наизусть. Сейчас мне представляется, что я уже в то время начал догадываться, что сложность всё-таки существует, но она находится где-то за пределами простоты и ясности текста и передаётся как... особое состояние души, что ли. Не знаю, сумел я выразить свою мысль или нет.

Итак, после самовольной публикации мы все дружно уверовали, что делаем благое дело, однако, сидя в кафе и ожидая Нику, я вовсе не был в этом убеждён. Скорее, наоборот, что-то подсказывало мне, что такое вольное обращение с «чужой интеллектуальной собственностью» ежели и не тянет на «преступное пиратство», то, по крайней мере, выглядит чистой воды самоуправством и даже какое-то... неприличие... во всём этом есть. Я терялся в догадках: что скажет «он»? Как мне, по уму, ответить? Как объяснить, что мы хотели как лучше. Ну, да, вспомнил я фразу из записок, – «а получилось как всегда»...

Не зная, что ему заказать и надо ли вообще это делать, не в силах себя успокоить, я просто тупо сидел и пил кофе. Когда ровно с боем часов на Думской башне вошёл в зал предположительно тот, кого я ожидал, я ещё больше растерялся. Он был слишком красив, слишком круто упакован для, как бы это поточнее выразить, – думающего мэна. «Вот сейчас он улыбнётся, – подумал я с раздражением, – и вообще станет похож на голливудского актёришку, вышагивающего по красной дорожке мимо восторженных фанаток и фотографов. Господи! Что за чушь лезет мне в голову!» – недовольно одёрнул я себя, ещё раз взглянул на него и, как ни странно, успокоился. Помню, в тот день я был особенно внимателен к деталям, что обычно мне не свойственно, поэтому без труда отметил, что он совершенно естественно, даже чуть небрежно, несёт на себе следы нашей «дорогостоящей цивилизации», а когда улыбнулся, то стал и вовсе похож только на самого себя и ни на кого больше: загорелый где-то в горах, молодой, сильный, абсолютно самодостаточный мужик, подтянутый, закрытый, при этом доброжелательный без напряжения, но и ни на что и ни на кого не претендующий. Словом, *libertas and beautiful!* И я как-то сразу забыл, что ожидал увидеть совсем другого человека: разочарованного, не очень уверенного в себе, сомневающегося, не всегда удачно рефлексирующего. «Когда же он успел так измениться? – подумал я, – Ведь прошёл всего один год... Или я такой болван, что напредставлял себе этот нелепый автопортрет, якобы нарисованный самим автором, а на самом деле...» – Господин Романов?

Ника уже стоял передо мной. Я, наверное, кивнул. Он добродушно усмехнулся, жестом спросил разрешения сесть, я опять кивнул, а он одним движением снял головной убор, развязал длинный шарф и, расстегнув пальто, беззвучно отставил стул, легко устроив на нём своё довольно-таки «весомое тело». «О-ох! Что за стиль!» – молча снова одёрнул я себя и поморщился.

Около него мгновенно нарисовалась официанточка и что-то затараторила, но он по-прежнему смотрел на меня, и я опять, с поражающей меня самой наблюдательностью, отметил, какой пронизательный и цепкий у него взгляд.

– Что будем заказывать? – настаивала официантка, близко наклоняясь к нему. Они о чём-то говорили, я напряжённо молчал и ничего не слышал. Звук включился, когда девушка радостно засмеялась и убежала, обещая «очень скоро вернуться». «Ну да, как же иначе? И кто бы сомневался?» – рассеянно и недовольно отметил я, запоздало обнаружив, что молчание моё, кажется, затягивается.

– Карты на стол? – спокойно сказал Ника, снимая пальто, и я, несмотря на всю свою напряжённую озабоченность, не смог не признать, что его прекрасно сшитый классический тёмно-синий костюм и рубашка с высоким воротником в тонкую полоску красно-серо-фиолетового цвета, расстёгнутая на верхнюю пуговицу, без галстука, – выглядят ничуть не менее стильно и современно, чем мои модные – кожанка, узкие джинсы с двухцветной футболкой и плетёные «фенечки» на обеих руках.

– Давай...

Я хотел ещё что-то добавить, но вдруг неожиданно для себя ляпнул:

– Я могу компенсировать.

– Что именно? – строго спросил Ника.

– Причинённый ущерб, – не очень уверенно ответил я.

– Ну и ну!

Он слегка откинулся на спинку стула, в упор глядя на меня, даже, кажется, прищурился, чтобы лучше рассмотреть:

– Ты же читал текст!

– Читал...

– Но там ясно сказано: «Это некоммерческий проект!»

– Я помню...

Он как-то незаметно изменил интонацию, и она стала более ироничной:

– Есть другие варианты?

– Ну не драться же! – резко вскинулся я.

Он скептически осмотрел мою, прямо скажем, не борцовскую фигуру, покачал головой и уверенно произнёс:

– Проиграешь.

– Почему же? – кажется, как-то криво ухмыльнулся я.

– Разные весовые категории.

Я стал ещё больше задираться:

– Зато, если «не потерплю успех», то хотя бы «одержу поражение»!

Он тоже не отставал, подался вперёд, и в его тёмных глазах заиграли чёртики:

– О-о! Мы читали Довлатова. Тогда, может быть, дуэль, в соответствии с законами «Заповедника»? – Не понял... – Объясняю.

Он опять откинулся назад и совсем другим голосом, монотонно нанизывая слова, стал как будто читать написанный где-то текст: «Только со второй половины восемнадцатого века, когда дворяне у нас получили особые права и были избавлены от телесных наказаний (он чуть выделил два последних слова), – появилось чувство собственного достоинства, чести и, соответственно, дуэль как требование удовлетворения за поруганную честь, а поведение человека перед лицом смерти стало свидетельствовать об уровне его самооценки...» Этого я совершенно уже не мог вынести:

– Не понимаю, ты мне лекцию, что ли, читаешь?!

Я говорил внешне спокойно, как мне казалось, а на самом деле с холодной яростью, твёрдо решив, что раз контакт не получается, надо поскорее решить все дела и сваливать отсюда.

Однако Ника меня неожиданно остановил:

– Не спеши. Сеанс психотерапии уже закончен.

– Ты, вроде как, по другой части? – удивился я, на этот раз не успев даже заметить, что злость действительно стала пропадать.

– Теперь уже и по этой.

– А как?

Он понял, о чём я хотел спросить, и весело ответил:

– А так! Небольшое переключение внимания и...

В это время на столике появились приборы, лёгкие закуски в виде красиво оформленных бутербродов, питьевая вода, свежеприготовленный кофе и, судя по сложной упаковке, бутылочка фирменного бальзама.

– Позволь мне угостить тебя, – Ника говорил и продолжал пристально рассматривать меня, как бы проверяя моё состояние.

– Если ты думаешь... – опять было вскинулся я, но уже довольно вяло, и он мягко остановил:

– Я обязательно скажу тебе, что я думаю... несколько позже. А сейчас, – он показал на стол, – не пора ли нам отведать?

Он открыл бутылочку с бальзамом, немного налил из неё в свою чашку с кофе и протянул мне. Я стал вертеть бутылочку в руках, якобы внимательно читая надпись на этикетке, а сам думал совсем о другом.

– Спрашивай, – сказал, улыбаясь, Ника. Меня, похоже, уже не удивляло, что он «читает мысли» (вспомнилось, – «как Ася»), и я спросил совершенно серьёзно, стараясь смотреть прямо ему в глаза:

– Как ты это делаешь?

Он опять сразу понял, о чём я хотел узнать, немного подумал и стал говорить, делая небольшие паузы между словами:

– Так сразу и не ответишь... Скажу одно – никакого гипноза, внушения, нейро-лингвистического программирования здесь нет, просто... передача энергии доверия, расположения... от одного человека к другому. Как будто зажигаешь одну свечу от другой, и этот огонь передаётся... Вот как-то так. – Он слегка развёл руками.

– Да уж, действительно, проще некуда, – усмехнулся я. – Но ведь надо ещё иметь такую энергию, плюс к тому, её вырабатывать!

– Да. Ты прав. Но не менее важно и быть готовым её принять.

– А я был готов?

– В какой-то степени да, иначе бы ничего не произошло, наверное.

– Понимаю, – с горечью откликнулся я.

Ника улыбался:

– «Можно лошадь подвести к воде, но заставить её пить, если она не хочет, нельзя».

– ОК! Всё справедливо, – продолжал ворчать я. – А то многие своими глазами смотрят, и не видят, своими ушами слышат, и не понимают, а ежели, «имея очи, не видишь, а имея уши, не слышишь», то ведь и сам дурак.

– Вообще-то, Сонечка так не могла бы сказать. – Ника попрежнему, чуть улыбаясь, внимательно смотрел на меня, не позволяя эмоциям «вскипать» на пустом месте. – Кстати, раз

уж ты стал цитировать разные тексты, я бы хотел спросить, не заметил ли ты и в моём кое-какие погрешности?

– Да нет. А где именно?

– Когда Софья Алексеевна говорит герою, что Ева ему «симпатизирует», это, скорее, мой неточный перевод. Она бы сказала иначе:

«благоволит», «охотно любезничает» или что-нибудь в этом роде.

– Не вопрос. Можно исправить.

– Или... – задумчиво добавил он, – не «ёлочные ветви», а «еловые», конечно, – и вдруг неожиданно оборвал себя:

– А впрочем, не надо, пусть останется как есть. Я думаю, ошибки, всякие «неправильности» иногда даже усиливают правдивость повествования, не правда ли? – почти как Софья Алексеевна, заключил он и переменил тему:

– Ты ведь ещё о чём-то хотел спросить?

– Да. Я правильно понимаю, ты сознательно пропустил или зашифровал, как угодно, множество идей, которые вы наверняка обсуждали с Софьей Алексеевной? Срок был отпущен короткий, это факт, но ведь по активности день шёл за три или даже больше?

Ника сделал глоток кофе и, явно довольный, откинулся на спинку стула:

– Как ты догадался?

– Я заметил, ты мало похож на того раздражённого молодого человека, которого описал в начале. Значит, либо ты писал не о себе, что сам же и опроверг, либо многое и очень быстро должно было измениться. А это могло произойти лишь при очень активном общении и обучении, при особой «открытости к самому знанию», «искренней восприимчивости» и «взволнованной готовности к усвоению и переработке информации», – гордо, наизусть продекламировал я. – Да, память у вас, молодой человек... – Не жалуюсь.

– Я бы так не смог воссоздать собственный текст.

– Так как же насчёт дешифровки? – настаивал я.

Ника осторожно подбирал слова:

– По сути, да, конечно, не всё сказано, а из того, что сказано, многое дано намёками. Но правда и то, что ничто не утаивается и ничто не скрывается так, чтобы – любой желающий! – он поднял руку, усиливая сказанное, – не смог познать и сам открыть смыслы! Ибо истина открыта – всегда! Каждый миг! Это мы закрыты, это мы прячемся за свои обманы, ложь, заблуждения, скрытые желания переложить ответственность, а часто и вину, – на кого-то другого. А так как я довольно скоро стал отдавать себе отчёт в том, что разозлён и подавлен и что причины этого состояния – во мне самом, то, вероятно, и получился такой образ.

– Зато я, как тот дикарь перед водопроводным краном, вот-вот, кажется, сейчас пойму, и снова всё ускользает.

Я замолчал, а потом неуверенно проговорил:

– Наверное, нелепо тебя просить ...как-то вразумить, что ли, или хотя бы привести пример, чтобы легче было понять, как двигаться дальше?

Ника молчал, и я удручённо добавил: – Но если нельзя... Он махнул рукой:

– Да нет! Я выбираю!

Мы оба немного помолчали, потом Ника продолжил:

– Может быть, для начала возьмём что-нибудь очень известное? Например:

- правило первое: «забудь старого себя»;
- правило второе: «настройся на нового себя».

Я удивлённо смотрел на смеющегося Нику:

– Но мне и это неизвестно! И ты это прекрасно знаешь.

Ника сделал успокаивающий жест:

– Да я и сам в них не очень! Это правило из монастырей. – Потом задумался немного и сказал:

– А может быть, если ты не против, в такой день, как сегодня, 7 января, выберем пример из бесед о религии?

– Вот! – воскликнул я, – значит, они всё-таки были, эти беседы, а «неспособность поддержать разговор о Вифлеемском чуде» – просто литературный приём?

– Нет, – твёрдо сказал Ника. – Тогда я, действительно, не мог и не хотел, это правда, а Софья Алексеевна это великолепно чувствовала. Но потом, когда я стал думать, читать, сопоставлять события и суждения о них, – кстати, она очень тонко и незаметно направляла мой поиск, – когда я сумел более-менее внятно сформулировать свои вопросы, у нас и стали возникать те разговоры, о которых ты хотел бы услышать, а я, хотя бы частично, уж как смогу, передать, в пересчёте на твои сегодняшние запросы, разумеется.

Я был по-прежнему нетерпелив:

– Так о христианстве или о Христе?

– А как же без него? – спокойно улыбнулся Ника. – Ведь именно Христу принадлежит право основания истинной религии – настолько, что само слово «христианство» стало сино-

нимом понятия «религия». Да ты и сам сейчас своим вопросом это подтвердил! Тем, кто были до него, он – законный наследник, тем, кто после, всем другим, как бы велики они ни были, остаётся лишь преумножать посеянное и пожинать плоды.

– Но почему именно Христос?

– Наверное, потому, что он первый возвестил Царство Духа и всей своей немислимой жизнью, «смертью смерть поправ», доказал, что Царство его «не от мира сего» и, вместе с тем, внутри каждого из нас. Наверное, потому, что он сам есть Высшее Откровение, Истина и Любовь.

Ника задумался и замолчал. Молчал и я тоже. Потом он, пытаясь найти нужные слова, медленно заговорил:

– Понимаешь, все, кто так или иначе соприкасаются с Христом, говорят о том, что он не просто неисчерпаем, но «невероятен».

Я не понимал и снова настаивал:

– Например!

– Пожалуйста. Для тебя, мне кажется, более убедительны будут примеры «от противного». Жан Жак Руссо. Упрекнуть его в ортодоксальном христианстве невозможно, но и он в своей знаменитой книге «Эмиль, или О воспитании», где славит Природу (заметь, с большой буквы!), записывает такие неожиданные слова: «Если жизнь и смерть Сократа достойны мудреца, то жизнь и смерть Иисуса суть жизнь и смерть Бога». И многие, многие сомневающиеся даже в самом существовании Христа потом с удивлением обнаруживали, что его Евангелие заключает в себе столь поразительные, столь неподражаемые черты истины, так просто и убедительно раскрывает перед людьми их истинное предназначение, что если бы это «изобрёл» кто-то другой, то он должен был бы быть ещё более удивительным гением, чем сам Автор. И даже те, кто захотели убрать из Евангелия всё, что не поддавалось научному анализу, и относили всю сферу Непознаваемого (на тот период, когда они писали) лишь к народной фантазии, легендам или мифам, – даже у них, всего лишь из оставшегося материала, возникал образ такой великой исторической личности, идеал такой совершенной веры и высочайшей нравственности, что он оказывался просто несовместим ни с одним из живущих на Земле, поголовно грешных людей. Даже они приходили к выводу: здесь что-то не так,

не так всё просто с отрицанием его Богочеловечности...

Ника опять замолчал, пока я не тронул его за руку.

– Да, религия Иисуса Христа вообще не принадлежит исключительно тем, кто называет себя его учениками. Во всех вероисповеданиях без труда можно увидеть, уловить его идею, хотя и в различном убранстве, оттого и существуют, и будут всегда существовать бесконечные толкования и интерпретации его притчей и проповедей, а каждая эпоха и даже каждый человек будут находить в Нём нечто новое и близкое для себя. В известном смысле, мы все являемся соучастниками, со-творцами раскрытия его Идеи в её бесконечном самовоспроизводстве. Он создал Божественный идеал, в Нём соединилось всё то, что есть прекрасного и возвышенного в нашей природе, и тем самым воззвал к человеку, показав, куда он может и должен стремиться.

Он создал всеобщую, абсолютную религию, которая не имеет границ, его Вера и вызываемые ею чувства ничего и никого не исключают не только в прошлом, но и в будущем, и вне которых история человечества и жизнь человеческая бессмысленны и непостижимы! Так что, вот тебе, Никола, и смысл, и направление движения.

Я был смущён. Ника говорил очень тихо, но так страстно, что у меня невольно вырвалось:

– Ты выглядишь не как верующий, а как влюблённый человек.

Он нисколько не смутился и тотчас ответил:

– Иначе и быть не может! «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, ...закидывающих сети в море; ...и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков! И они, тотчас, оставивши сети, последовали за Ним»*(Евангелие от Матфея. IV: 18, 19.) И так было со всеми: все – сразу! – влюблились в него – навсегда! Мне это очень нравится.

– Так в чём же всё-таки главная идея?

– Неужели не понятно? Это Любовь. «Да любите друг друга и Господа своего», и «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Теперь я был уже окончательно смущён своим невежеством и неготовностью к такому повороту событий:

– Но ведь я ничего не знаю и вообще не церковный человек. Так, что-то слышал, что-то видел... Да, не кощунствую, но разве этого достаточно?

– Отвечаю сразу на все вопросы: «не достаточно»; «я тоже не воцерковлён». Ну и что? Прекратить движение ему навстречу? Хулы, действительно, позволять не надо, а начинать можно с любого уровня, – об этом говорят «те, кто знают», лишь бы было искреннее желание и чистота помысла. Извини, придётся повторить: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдёте; стучите, и отворят вам»**.

Тут Ника выразительно посмотрел на меня и добавил:

– Сейчас я намеренно приводил тебе высказывания уж если и не оголтелых атеистов, то, по крайней мере, скептиков-позитивистов...

Очевидно, у меня в глазах был дурацкий немой вопрос, и Ника, уже привычно усмехнувшись, как если бы я успел вслух спросить: «А кто такой Пушкин?», – ответил сдержанно и спокойно:

– ...то есть тех, кто считает, что подлинное, по их выражению, «позитивное» знание может быть получено лишь в результате специальных научных исследований, которые только и могут установить причинно-следственные связи, – и никак иначе! – а всё остальное не имеет права на существование. Но даже они, как ты видел сам, не смогли пройти мимо Тайны, которой увенчалась его жизнь, Тайны, которая выходит за пределы доступного человеку знания.

– И много их, таких?

– Тьма! И это не считая богословов, историков, филологов, искусствоведов.

– О-ох! – застонал я, – тогда я безнадёжен!

Ника был явно раздосадован:

– Ну вот, мы опять вернулись к началу!

И здесь моя расчудесная память стала меня выручать: я решил самокритично использовать высказывание, не помню, из какого опуса, одного очень известного французского писателя, который сам, в свою очередь, цитировал кого-то из очень известных философов: «Между двумя личностями со слишком разным уровнем интеллектуального развития обмен мыслями невозможен».

– Хорошая память, неплохая самоирония – это обнадёживает, – заметил Ника, и я понял, что он, в отличие от меня, точно знает, кого я только что процитировал, но ни о чём его не стал спрашивать, а Ника тем временем продолжал:

– Однако, если помнить только унылых и разочарованных, хотя и удостоенных премии Гонкуров, то можно и самому впасть. Так что, не забывайте, месье, и о тех, кто верит: «Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит и стучащему отворят»*.

Ника быстро оценил мой собственный унылый и разочарованный вид и, очевидно, решив ободрить, напомнил:

– «Не падайте духом, поручик Голицын, корнет Оболенский...» – он поднял бутылку с бальзамом.

И тут во мне что-то поднялось и откликнулось, я уверенно встал и подошёл к нашей официантке. Она стояла у стойки, весело болтая со своими товарками и постоянно поглядывая в нашу сторону. Дополнительный заказ в виде десерта, коньяка и свежего кофе очень быстро появился у нас на столе. Ника был сама любезность: он ни о чём не спрашивал и ему ничего не надо было объяснять. По-моему, в такой комфортной обстановке я не был никогда, и даже фраза-оправдание, ясно прозвучавшая у меня в голове: «Я крови спесь угомонил!», – не требовала озвучивания.

– Классно! – сказал я Нике, улыбаясь, и, клянусь, он меня понял. Между тем, наша беседа, явно как и встреча, близилась к концу. Ника «подводил итоги»:

– Фактически, мы с тобой говорили лишь о том, что только признание Высшей Силы и Высших Смыслов, что бы они для тебя сейчас ни значили и ни означали, – именно оно способно задать истинный масштаб поиска, и, следовательно, без включения вектора Божественного познания в свой мир, – да, если угодно, в сочетании с наукой и, тем более, искусством, – самопревосхождение невозможно. Несомненно, собственные усилия значат очень много, но и без добровольного принятия помощи того, кто выше тебя и кто готов всегда эту помощь оказать, если ты сам готов открыть ему себя, – тоже ничего не получится. Таков опыт.

– Понятно, – привычно сказал я, мы посмотрели друг на друга, вспомнили любимый тест Софьи Алексеевны и одновременно рассмеялись. Я уже не удивлялся своей никуда не исчезающей наблюдательности, с удовольствием отмечая стремительно нарастающую открытость будущему знанию, которая непременно, – я был в этом совершенно уверен, – должна будет существовать и в будущей моей жизни.

– Вот и отлично, – сказал Ника. – и не забывай: атеизм, как и суперэго (иначе говоря, гордыня), – чудовищно снижают эталоны духовного самодвижения.

Мы проговорили в кафе, наверное, часа два или больше и вместе вышли на улицу. Мне нужно было идти направо, к Неве, а ему – налево, как он сказал, к маме на Фонтанку. Я резко обернулся:

– Как зовут твою маму?

– Екатерина Дмитриевна.

«Это она», – уверенно, без всяких сомнений отчеканилась в голове мысль.

– Подожди меня здесь! Я быстро, – крикнул я Нике и побежал, перескакивая через ступеньки, в подземный переход. Уже через минуту я вернулся с большим букетом белых роз и... остановился: было на что посмотреть!

Ника стоял, оперевшись спиной на парапет, и к нему с тротуара постоянно подходили люди, очевидно, спрашивая, как пройти или проехать в музей, театр, не знаю, – да мало ли мест в Петербурге, куда хотят попасть недавние горожане или гости города! – это обычное для нас дело. Интересно было другое: спрашивать, судя по всему, хотели именно у него, некоторые для этого меняли свой маршрут, даже возвращались, сначала проскочив мимо. Это было то ещё зрелище! И опять пришла ясная мысль: дело здесь вовсе не во внешней привлекательности, а в некоем «донорском» свойстве личности, в том внутреннем импульсе, который мгновенно считывают люди, когда отдаются на волю своего бессознательного «Я» (как сейчас принято говорить) в ситуации, когда не надо раздумывать, а просто слышать свой внутренний голос.

«Как хорошо, – подумал я, почти завидуя сам себе, что вижу всё это. – Оказывается, человек не растерял свои природные инстинкты даже в таком мегаполисе, как наш. Значит, не всё потеряно». И мне опять удалось заметить, что сегодня я могу наблюдать одновременно и за другими, и за собой, и даже видеть, как появляются, – неизвестно откуда, – совсем иные мысли, нежели те, что так часто крутились у меня в голове прежде.

Наконец, я всё-таки подошёл к Нике и вручил букет:

– Поздравь, пожалуйста, свою маму с праздником.

Он был явно тронут:

– Всенепременно.

Мы хлопнули друг друга ладонями в прощальном жесте и я пошёл в сторону Русского музея, к площади Искусств, мимо «Бродячей собаки», к Мойке и Зимней канавке, и дальше, ко

Дворцу великого князя на Неве, словом, по местам, где я так любил ходить пешком, особенно если мне хотелось подумать о чём-то личном и побыть наедине с собой. Сегодня был как раз такой день, точнее, вечер. В Питере в это время года быстро темнеет. Медленно падающий мягкий снег был очень к лицу моему городу. Почти прозрачный покров отливал на асфальте и брусчатке матовым голубоватым блеском от света фонарей. Высоко надо мной стояло небо, закрытое густыми серыми облаками, постепенно наполняющимися пока ещё не различимым таинственным светом Луны и Звёзд. В голове явственно зазвучали строки «Рождественского романса» Иосифа Бродского:

Плывёт в тоске необъяснимой среди кирпичного надсада ночной кораблик негасимый из Александровского сада, ночной фонарик нелюдимый, на розу жёлтую похожий, над головой своих любимых, у ног прохожих...

...Плывёт в тоске необъяснимой, как будто жизнь начнётся снова, как будто будет свет и слава, удачный день и вдоволь хлеба, как будто жизнь качнётся вправо, качнувшись влево.

Я шёл вдоль набережной, рассматривая – в который раз! – невообразимой красоты ансамбль Стрелки Васильевского острова с его зданием Биржи и Ростральными колоннами, снова и снова поражаясь открытию мастера, впервые в истории архитектуры развернувшего полукругом каменные строения к Неве, к воде, как к площади.

Я шёл, и моя память выдавала мыслеобразы, спонтанно возникавшие после нашей встречи с Никой. Они выстраивались, как будто независимо от моего желания, в некую стройную картину. Словами я ещё не мог тогда, да и сейчас, пожалуй, не смогу её описать достаточно убедительно, однако общее впечатление от картины в целом, так же как и от отдельных эпизодов, было вполне отчётливым.

...Стремительно, собранно идёт по Невскому проспекту Ника, быстро удаляясь от меня, и его длинный шарф живописно развеивается на ветру. А большие мягкие снежинки ложатся на плечи белыми погонами, медленно исчезая и появляясь вновь...

...Екатерина Дмитриевна, освещённая светом вечерних люстр, каждым движением и жестом возрождающая прелесть старопетербургского быта и дома, наполненного рисунками, книгами с автографами художников и поэтов Серебряного века, а потом и эмигрантов «Третьей волны», составляет рождественские букеты, отдавая особое внимание белым розам как почётным гостям...

...Подобно лёгкому видению, возникает призрачная, нежная, бестелесная и абсолютно узнаваемая фигура Софьи Алексеевны. Тотчас просыпается Ева, резко поднимает голову и неотрывно-долго смотрит в то самое место, где появился и быстро исчез, очевидно,

никому, кроме неё, не видимый изящный силуэт...

«А где же Анна-Мария? Она тоже должна быть здесь, поблизости. Но её нет...» Я уже не мог обращаться к ней фамильярно, как в начале, что-то изменилось во мне, тем более, что я несколько раз успел отметить, с каким тактом подбирал слова в своих высказываниях о ней Ника.

Я ждал и думал о том, как же мне нравятся эти картинки и как хочется смотреть на них дольше и дальше, предчувствуя выход на сцену следующих персонажей. А они должны были прийти, я в этом не сомневался и был настроен на режим радостного ожидания. Но в это время зазвонил телефон, и всё мгновенно исчезло. Я смотрел на экран, видел смеющиеся лица своих подружек, читал их незатейливые сообщения и понимал, что уже никогда к ним не вернусь, даже если мы и будем встречаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.